

Своя

ПРОСТОТА — В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩИХ

Искусство наивное,
но не примитивное

Быт или не быт

Русские парадоксы
Василия Розанова

Валентин Катаев: государство и левитация

Сергей Шаргунов выпускает
книгу в серии «ЖЗЛ»

Исповедь «Златоуста»

Как артековцы перехитрили
американского посла

СЛАВЯНОФИЛЫ недаром говорили: «К нам все придут, у нас все позаимствуются». Это не было хвастовство. Просто — это дело. После большого странствия (Европа) — хороший отдых (Русь)... Западники хотя и накинулись на славянофилов с остервенением, но в самой злобе своей доказали их истину. «Не хотим бороться с Западом», «на Западе даже все лучше, чем у нас», — кричали они, совершенно как славяне с озера Ильмень о варягах. Во всей истории нашего «западничества» повторяется то же, на что указали славянофилы: отречение от себя, смиренное о себе сознание, что «не умеем» и «не способны», и искание, кто бы нас «управил». Мы звали «Бокля, Спенсера и Конта», совершенно так же, как когда-то «Рюрика, Синеуса и Тривора»...

Василий Розанов (1856–1919)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Младшая сестра	23–27	Книжная палата
3–7	Наука побеждать
Жаркое лето генерала Брусилова	24–27	Валентин Катаев:
государство и левитация
8–11	Символ веры
Любовь к отеческим гробам
О православных традициях
поминовения близких	28–31	Год кино
Соборно, коллективно, всенародно
Национальный генезис кинематографа
12–15	Война и мир
Военно-полевой роман
Мужу — век, жене — 95.
Поздравляем с Днем Победы
уникальную чету ветеранов	32–35	Служу России
Исповедь «Златоуста»
16–19	Философ о философе
Быт или не быт	36–39	На семи холмах
Простота — в глазах смотрящих
20–22	Родное слово
Чистые зеркала
Владислав Ходасевич —
маг и виртуоз	40–42	Люди и вещи
Царские подарки
Пасхальные чудеса Карла Фаберже
		43–47	Записки охотника
Тишина
		48	Трапезная
Вот такие пироги

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

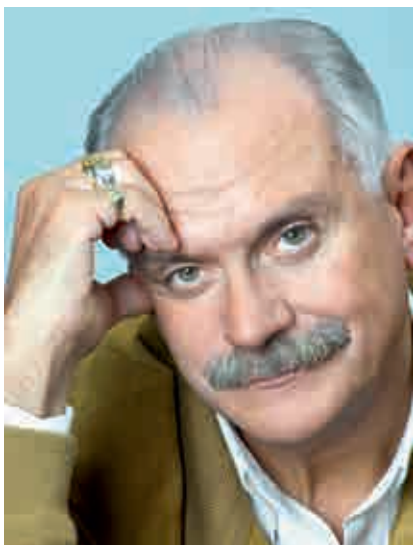
Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат»

Тираж 35 000

Подписано в печать 18 апреля 2016 г.

Младшая сестра

Год российского кино торжественно открывали в разных регионах страны. Мне довелось побывать на подобном мероприятии в Кирове и ответить на множество вопросов, заданных жителями этого хорошего русского города. В том числе на такой: «Надо ли включать в школьную программу начальный курс киноведения?» Еще недавно я сам выступал с похожей инициативой. И сейчас от нее, разумеется, не отказываюсь. В том, чтобы дети изучали азы «важнейшего из искусств», нет и не может быть ничего плохого или лишнего. Однако, если предельно трезво взглянуть на вещи и выбрать, что важнее в нынешней школе — преподавание основ киноискусства либо увеличение часов русской литературы, русского языка, — лично я выбрал бы второе. Уровень знаний в области родной словесности у подрастающего поколения просто чудовищный, и это — в стране, которую все мы лет двадцать назад называли самой читающей на планете...

Мой друг Александр Адабашьян рассказывает как скверный анекдот реальный случай из жизни. Его знакомый проводил некий конкурс среди подростков (возможно, для участия в кинопробах), беседовал с каждым, расспрашивал: как живешь, учишься, чем интересуешься, что читаешь?.. Ответ одного поразил и развеселил одновременно. Отрок чрезвычайно эмоционально, все еще находясь под впечатлением, поделился примерно такой историей: «Тут книжка попалась. Там, короче, мужик подходит к памятнику, и у них начинаются свои терки-разборки. Мужик сначала ругался с памятником, а потом побежал от него. А памятник рассердился — он был на лошади — и поскакал за мужиком. Там еще сильный дождь пошел и началось наводнение. Классная книжка!.. Кто написал? Не помню. Пушкин? Не-е, кажется, не он...» После собеседования они вышли в коридор, где дожидалась мама «конкурсанта», и знакомый Адабашьяна — с тонкой иронией, рассчитывая, видимо, вызвать и смех, и стыд, — сказал ей: «Ваш сын такой молодец! Прекрасную книгу мне порекомендовал!». После чего почти дословно повторил ей этот потрясающий синопсис. Женщина, довольно молодая, оказалась обрадована и заинтригована: «Ну надо же, как интересно! Ничего подобного никогда не читала»...

Выдающийся русский режиссер Сергей Герасимов в свое время выразил замечательно верную и глубокую мысль: «Кино — это сестра литературы». Я бы добавил — младшая сестра. Она училась и учится у старшей всему: отделять зерна от плевел, сиюминутное, преходящее — от вечно-го, подлинную любовь — от ее эрзаца, имитации, подделки. У нас великая, даже величайшая в мире литература, которая поставила перед мыслящими людьми абсолютно все вопросы бытия! Исходя из этого и надо выстраивать приоритеты. А молодежь, хорошо знающая отечественную литературу, неизбежно захочет смотреть качественное кино.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Adabashyan'.

Жаркое лето генерала Брусилова

Сто лет назад в третьей декаде мая (по старому стилю) русская армия приступила к стратегической войсковой операции, впоследствии ставшей легендарной, именуемой у нас, как правило, Брусиловским прорывом. Она начиналась почти в полном соответствии с «национальными парадигмами» типа «пан или пропал», «грудь в крестах или голова в кустах», а завершилась... Итоги этого наступления, предпринятого Юго-Западным фронтом под командованием Алексея Брусилова, настолько неоднозначны, что до сих пор являются предметом жарких споров. Преимущественно — историко-политических.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Генерал от кавалерии А. Брусилов

Игорь Немчинов

САМАЯ известная картина замечательного, безвременно ушедшего живописца Павла Рыженко называется «Стоход. Последний бой Лейб-Гвардии Преображенского полка». В центре полотна — три гвардейца, которые стоят во весь рост посреди поля битвы. На окружающем троицу пространстве видны груды мертвых тел, остатки проволочных заграждений, кайзеровские каски и прочие, ставшие уже «бесхозными», детали военной амуниции. Опрокинуто тяжелое

орудие, сестра милосердия спасает чью-то жизнь... Чуть поодаль — устремившиеся в яростную атаку русские солдаты и офицеры. Место действия — вязкая, заболоченная пойма реки Стоход, что на Волыни. Время, судя по одежде преображенцев, — осень 1916-го, хотя то тут, то там все еще зеленеют куски изодранного травяного ковра. К этому моменту Брусиловский прорыв уже остановлен, а Российская империя, в предвкушении невиданной катастрофы, доживает последние месяцы своего существования...

«Сорвавшимся наступлением Каледина за Стоход и победой Лещицкого при Коломее кончается Четвертая Галицийская битва — славное Брусиловское наступление. В последних числах мая были разгромлены австро-венгерские армии — в двадцатых числах июня на полях Волыни были сокрушены отборные дивизии кайзера... За тридцать семь дней боя в наших руках осталось 272 000 пленных и 312 пушек... Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову. Когда по-

П. Рыженко. «Стоход. Последний бой
Лейб-Гвардии Преображенского полка». 2013

сле несчастий пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую веру в русского офицера и русского солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед», — так заканчивается одна из глав знаменитого труда «История русской армии», написанного эмигрантом-монархистом Антоном Керновским. Несмотря на некоторую громоздкость цитаты, в ней емко и точно отражена суть наиболее

прославленной операции Второй Отечественной войны, которую в советские годы историки называли, эдак пренебрежительно, «империалистической».

Генерал от артиллерии Брусилов принял командование Юго-Западным фронтом в марте 1916 года, незадолго до своего «именного» прорыва. Прежде на полях сражений Первой мировой он возглавлял 8-ю армию, поучаствовал с ней как в победоносных наступлениях начального периода, так и в последовавшем оставлении ранее завое-

ванных рубежей. Передал ее, пойдя на повышение, генералу от кавалерии, будущему атаману Войска Донского Алексею Каледину.

Что требовалось прорывать (или куда следовало прорываться)? По первоначальному стратегическому плану, разработанному Ставкой под руководством генерала Михаила Алексея, ничто и никуда. 8-й, 11-й, 7-й и 9-й армиям ЮЗФ (в такой последовательности они располагались тогда с севера на юг на территории нынешней Западной Украины) была отведена сугубо

второстепенная роль. По словам Керсновского, «Юго-Западному фронту надлежало открыть кампанию демонстрацией из Ровненского района. Решительное же наступление должно было состояться к северу от Полесья. Западному фронту предстояло нанести главный удар из Молодеченского района на Ошмяны и Вильну, Северному фронту — вспомогательный из Двинского района на Свенцяны. Эверту надлежало бить, Куропаткину — помогать, Брусилову — демонстрировать».

Однако «демонстрировать» он, генерал Брусилов, категорически отказался — в отличие от его тезок Эверта и Куропаткина, возглавлявших соответственно Западный и Северный фронты. Эти военачальники, деморализованные неудачами 1915 года, а также провалом предпринятого уже в марте 1916-го и принесшего колоссальные потери Нарочского наступления (в Белоруссии), вновь атаковать немцев и австрийцев в их максимально надежных укрытиях ни малейшей охоты не испытывали. Нежелание проявлялось подчас в таких формах, что в пору было говорить о саботаже и предательстве (сегодня отдельные исследователи намекают на участие этих генералов в антигосударственном заговоре, на их тесную связь с англичанами и т.д.). Брусилов же объяснял поведение главнокомандующих соседними фронтами так: «Весь вопрос состоит в том, что Алексеев хотя отлично понимает, каково положение дел и преступность действий Эверта и Куропаткина, но, как бывший их подчиненный во время японской войны, всемерно старается прикрыть их бездействие и скрепя сердце соглашается с их представлениями...»

Таким образом, главный удар по врагу нанес именно Юго-Западный фронт. Прорывать же ему пришлось сверхмощную оборону, которую австро-венгры готовили в течение девяти месяцев.

«Неприятельские позиции были чрезвычайно сильно укреплены. По всему фронту они состояли не менее как из трех укрепленных полос в расстоянии друг от друга приблизительно от 3 до 5 верст. В свою очередь, каждая полоса состояла из нескольких линий окопов, не менее трех, и в расстоянии одна от другой от 150 до 300 шагов... Все окопы были выше роста человека, и везде в изобилии были построены тяжелые блиндажи, убежища, лисьи норы, гнезда для пулеметов, бойницы, козырьки и целая система многочисленных ходов сообщения для связи с тылом. Окопы были сооружены с таким расчетом, чтобы подступы к позициям обстреливались перекрестным ружейным и пулеметным огнем. Убежища были устроены чрезвычайно основательно, глубоко врыты в землю и укрывали людей не только от легких, но и от тяжелых артиллерийских снарядов... Каждая укрепленная полоса была основательно оплетена колючей проволокой: перед фронтом тянулась проволочная сеть, состоявшая из 19–21 ряда кольев. Местами таких полос было несколько в расстоянии 20–50 шагов одна от другой; некоторые ряды были оплетены столь толстой стальной проволокой, что ее нельзя было резать ножницами; на некоторых боевых участках через проволоку заграждений пропускался сильный переменный электрический ток высокого напряжения, в некоторых местах подвешены были бомбы, а во многих местах впереди первой полосы были заложены самовзрывающиеся фугасы», — рассказывал в своих мемуарах Алексей Брусилов.

Картину несколькими важными штрихами дополняет писатель-баталист Сергей Сергеев-Ценский: «Захваченный в первый день прорыва в плен венгерский офицер-наблюдатель держался на допросе самоуверенно и даже гордо. Попытка русских прорвать австро-германский фронт казалась ему мальчишеством. Он говорил убежденно:

— Наши позиции неприступны, и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: «Эти позиции были взяты русскими. Завещаем всем — никогда и никому с ними не воевать!».

В общем, очередное самонадеянное упование в духе «Скорее небо упадет на землю и Дунай остановится в своем течении...» было посрамлено солдатами, офицерами и генералами Юго-Западного фронта. Успех оказался следствием того, что Алексей Брусилов впервые в истории подобных битв предпринял прорыв вражеской обороны сразу на нескольких участках. Более того, каждая из его армий, заранее избрав себе подходящее место для разящей атаки, готовила, а затем проводила ее совершенно самостоятельно. Противник не знал, где ему будет особенно жарко и тошно, совершенно не представлял, куда нужнее всего отправлять спасительную подмогу. Остонавливаясь на подробностях подготовки и проведения вошедшей в учебники операции здесь не станем, они, в сущности, довольно непротиворечиво описаны в бесчисленном множестве томов разнообразной, прежде всего военно-исторической, литературы.

Отметим лишь, что наиболее внушительная победа была одержана ЮЗФ в районе Луцка (недаром Брусиловский прорыв также вошел в историю как Луцкий), где действовала 8-я армия. В дальнейшем она устремилась на северо-запад, к Ковелю, стала сражаться за то, чтобы овладеть этим важным транспортным узлом. И тут, как ни прискорбно, русские войска завязли в тяжелых кровопролитных боях. К и без того очень сильно укрепленному Ковелю немцы и австрийцы подняли мощные резервы, а также дивизии, экстренно перебросенные с западноевропейских фронтов.

Русские войска в Бучаче. 1916

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Брусиловская операция постепенно, но неотвратимо теряла свой эффект. В теории у нее могли быть самые блестящие перспективы. Но для этого — как минимум — должны были во всю мощь ударить на своих участках армии Западного фронта, которому изначально как раз и отводилась первая роль в общем наступлении. Однако командующий Эверт, как писал Керсновский, «вдруг переменял весь свой план и вместо удара на Вильну избрал почему-то удар на Барановичи... Для переработки планов он просил две недели отсрочки — с 18 мая на 31-е и, едва лишь получив их, попросил новую отсрочку до 4 июня, опасаясь... неудачи в Троицын день! На этот раз рассердился даже покладистый Алексеев. Эверту приказано было наступать, не справляясь со святыми».

Самое печальное то, что и этот приказ вышеупомянутый генерал, по сути, не выполнил, предприняв вмененное ему в обязанность наступление лишь одним полным армейским корпусом из имевшихся в его распоряжении двадцати трех!.. В результате и множество людей погубил, и поставленной цели не добился.

Способен ли был Брусилов, опираясь только на собственные возможности, развить достигнутый под Луцком успех? Некоторые во-

енные историки полагают, что теоретически — мог. Он должен был отказаться от заведомо бесперспективной осады Ковеля, обрушив основной ударный кулак в западном или юго-западном направлении, а заодно задействовать для уничтожения отступавших австрийков всю конницу. В этом случае Юго-Западный фронт покончил бы с австро-венгерскими войсками, вывел бы целое неприятельское государство из состояния войны. Но вряд ли теперь есть смысл виртуально, задним числом, просчитывать упущенные, потенциально благополучные варианты. Брусиловский прорыв довольно быстро захлебнулся, хуже того — обернулся страшной бедой, прозванной «Ковельской (или Стоходской...) мясорубкой».

Произошло это по многим причинам: из-за того, что русские были неизменно «верны своему союзническому долгу», а ситуативные союзники по Антанте к таким вещам относились... как всегда; из-за острейшего дефицита резервов у командующего Юго-Западным фронтом — именно в те моменты, когда они ему были крайне необходимы; из-за отсутствия единоначалия в вооруженных силах Российской империи, а проще говоря — из-за анархии, деградации системы управления. Многие историографы дают понять, что разложение в

армии — специфический феномен 1917 года. Однако пагубная «демократизация» в войсках началась гораздо раньше. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать мемуары все того же Брусилова. Там генерал без всякой задней мысли описал такие ситуации на фронте, которые для людей компетентных, знакомых с настоящей армейской дисциплиной, выглядят, мягко говоря, весьма «необычно».

Как бы то ни было, Брусиловское кратковременное наступление кардинально повлияло на исход всей войны. И австро-венгры, и германцы были вынуждены ослабить атакующий натиск в Западной Европе, направив основные силы на восточный театр военных действий. Они не добились италийцев при Трентино, не довели до своей, казалось бы, неизбежной победы противостояние с французами под Верденом. Брусилов спас союзников от разгрома.

Во время исторического прорыва, а потом в безуспешных сражениях под Ковелем Русская армия пропела свою лебединую песню. «Стоходская мясорубка» перемолола с обеих сторон сотни тысяч безвестных ныне воинов. В ней погибла основа Российской императорской гвардии — опоры трона, главной защитницы царя. Именно этот трагический момент изображен на картине Павла Рыженко. Символика, мотивы данного полотна, безусловно, сродни теме «Варяга», и подобный героический пафос отнюдь не утратил своей актуальности. Но не менее важны и уроки, которые следует извлекать из драматических событий столетней давности. В годы Великой Отечественной войны этот опыт — как удачный, так и горький — советское командование учло в полной мере: и в вопросах тактики, используя прорывы, схожие с Брусиловским, и тем более в плане воинской дисциплины, не допуская даже малейшего подобия порядков, царивших в русской армии в период Первой мировой.

Символ веры

Любовь к отеческим гробам

Валерий Шамбаров

Праздник светлой Пасхи Христовой в советскую эпоху дополнился невиданным прежде и не вполне естественным, с точки зрения православия, ритуалом. Насколько он вообще приемлем — однозначно не скажешь. Вроде бы и корить тут, собственно, не за что: как-никак и Спасителя русский народ с благоговением вспоминает, и почившим предкам дань памяти отдает...

ПОСЛЕ революции люди стали массово посещать могилы близких не в те дни, которые для этого предназначались «при царском режиме», а на Пасху. При новой власти подобное было в определенной мере оправданно. Ходить в храм на пасхальные службы гражданам категорически возбранялось (особенно в самый лютый, богоборческий период), в противном случае немудрено было навлечь на себя ураган обвинений. А на кладбище — почему бы и нет. Св. блаженная Мария Дивеевская даже советовала женщинам молиться на кладбищенской территории: там все же освященная земля, кресты, есть возможность уединиться, сосредоточиться.

О молитве тем временем все больше забывали. Стали вольно или невольно возвращать себе чисто языческие обычаи. Разве только спиртное на землю не лили, почитали зелье как великую, чуть ли не сакральную ценность. Водку «для покойника» ставили в стакане, накрытом куском хлеба. Привыкли класть на могилы крашенные яйца и прочую еду — потом все это растаскивали вороны, собаки. Да и сами поминавшие крепко угощались. Почтить умерших хмельными тостами стало считаться нормальным, едва ли не единственно возможным способом.

Богоборческие времена давно канули в прошлое, но присущие им обычаи сохраняются. В Пасху — на кладбище, с вином, колбасой, солеными огурчиками... Церковь подобного совмещения в общем-то не одобряет. Христово Воскресение — праздник жизни, победы над смертью. То есть «контекст» для того, чтобы помянуть покойных, прямо скажем, далеко не самый подходящий. Да и зачем им нужно эдакое внимание — с поднятым стаканом и набитым ртом?

Лучшие дни для этого — субботы, когда отмечается память всех святых, небесных наших покровителей. В храмах служат панихиды. Верующие готовятся к воскресной литургии, находятся в особенном, возвышенном состоянии духа. На вечерней службе подают записки о поминании покойных — при совершении евхаристии, с выниманием частичек просфоры для причастия. Это установлено еще святыми апостолами и считается самым действенным средством испросить для поминаемых милость Божию. При погружении частичек в чашу Жертвенная Кровь Христа омывает их, стирая грехи.

Церковь наставляет: молитва гораздо сильнее, когда она возносится соборно. Чем больше людей объединяют свои мольбы, тем они действеннее. Поэтому моления в храме не в пример более значимы,

нежели дома, в кругу семьи. А еще больший эффект достигается, когда к Господу обращается одновременно множество храмов — вся Церковь. Для этого и существуют дни общецерковного поминовения усопших, родительские субботы. Две из них именуется Вселенскими, отмечаются всеми православными церквями: первая — при подготовке к Великому посту, накануне Недели о Страшном суде, другая —

Богоборческие времена давно канули в прошлое, но присущие им обычаи сохраняются. В Пасху — на кладбище, с вином, колбасой, солеными огурчиками...

перед Днем Святой Троицы, когда завершается пасхальный цикл праздников и Царство Христово является в полной силе.

Кроме того, родительскими считаются вторая, третья и четвертая субботы Великого поста. В Русской православной церкви для молитвы об умерших установлен и особый праздник — Радоница — во вторник, на девятый день после Пасхи.

Есть в России также три воинских поминальных дня. Первый по предложению св. Сергия Радонежского учредил св. Дмитрий Донской после кровопролитной Куликовской битвы — Дмитриевскую родительскую субботу. Совершается перед днем памяти великомученика Дмитрия Солунского 26 октября (8 ноября). В 2016 году Дмитриевская суббота — 5 ноября. Второй отмечается в день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, 29 августа (11 сентября). Его установила Екатерина II в 1769-м, во время русско-турецкой войны. Третий — 9 Мая, День Победы в самой страшной и жестокой войне, которую вела наша страна.

Кстати, Радоница приходится в нынешнем году на 10 мая и как бы подводит черту под широкими — как религиозными, так и светскими — майскими празднованиями.

Именно на Радоницу в досоветскую эпоху было принято ездить на кладбище. Немецкий ученый Адам Олеарий, посетивший Россию в XVII веке, описывал, как это происходило тогда. Женщины растлали на могилах рушники, раскладывали пироги, рыбу, яйца. Читались традиционные «оклички», звучали народные «плачи». Правда, чаще всего они являлись лишь данью стародавней традиции. «Если мимо проходил знакомый, женщи-

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ны обращались к нему, разговаривали со смеющимся ртом», а потом дальше «выли». Еда предназначалась не для кладбищенских пиршечек, на могилах ее не оставляли. По кладбищу ходили несколько священников, их подзывали то в одно, то в другое место, и они служили панихиды. Принесенную с собой снедь люди отдавали слугам священнослужителей. Или нищим — чтобы тоже помолились об их близких.

В православные обычаи некогда вплелись и дохристианские обряды, хотя они, конечно же, сильно трансформировались, приспособились к «новому содержанию». Например, похороны у нас, как и в очень далекие времена, сопровождаются поминками. Но это совсем не походит на языческое пиршество. Скажем, в дореволюционной России поминали всегда скромно и недолго. Спиртное ограничивали — не больше трех рюмок. Алкоголь в подобных случаях пили не для того, чтобы «почтить» покойного, а исключительно ради снятия тяжкого стресса у близких. В обильных попойках и мутном похмелье люди отрываются от какой бы то ни было благодати, сами себе мешают молиться — в первые дни, когда это особенно необходимо усопшему.

Что же касается верований древних славян, то для них границы между реальностью и обителью мертвых были довольно зыбкими, миры соприкасались, взаимодействовали между собой. Духи из темного царства смерти (его, пожалуй, допустимо отождествить с адом) запросто могли проникать в наш мир, мстить и пакостить. От них следовало защищаться особыми магическими средствами или откупаться жертвами. Сохранялась и прочная связь с загробными селениями добрых и радостных предков. Ведь ушедшие туда люди и оставшиеся на земле были единым родом. На похоронах устраивали тризну, обильный пир. Родича провожали надолго, но не навсегда, до следующей встречи.

Бытовали и особые праздники поминовения усопших (их называли «навыи дни», «деды»). В годичном цикле таковых было несколько, и сопровождалась они различными обрядами. Некоторые справляли дома: хозяйка готовила набор определенных блюд, которые оставляли на ночь на столе, с тем, чтобы, когда все уснут (или специально уйдут), пришедшие души предков посидели ладком да полакомились. Существовал и такой ритуал: старухи зимой жгли во дворе солому, дабы на том свете «родителям было теплее». По весне народ выходил на места захоронений, приносил еду, хмельные напитки. Производились «оклички» — старшая женщина в роду громко вызывала мертвых по именам. Выпивали, закусывали. Часть пива или хмельного меда выливали на могилу. Оставляли на ней пироги, хлеб, сыр, яйца и прочую снедь. Таким образом, живые как бы встречались с мертвыми, пировали вместе с ними.

Организация подобных угощений требовалась не покойным родичам. Те жили в полном изобилии, ни

ФОТО: ВЛАДИМИР СМИРНОВ/ТАСС

ФОТО: ЕЛЕНА ПАЛЫМИН/ТЕРРЕСС/ТАСС

в чем не нуждались. Наоборот, их помощь нужна была живым: присмотреть за потомками, подать нужный совет, предупредить об опасности, обеспечить урожай, подсобить в бою. Наконец, принять к себе, когда дети, а затем и внуки отправятся следом.

Некоторые понятия и обычаи православной жизни оказались внешне сходными с дохристианскими, однако если вникнем в суть, то увидим, что качественные различия очень глубоки.

ФОТО: НИКОЛАЙ КОРЕШКОВ/ТАСС

Загробных миров действительно два — рай и ад. Когда человек умирает, его душа, сопровождаемая ангелом-хранителем, проходит мытарства, дает отчет в собственных грехах и страстях. На сороковой день предстает перед Господом, Который выносит предварительный приговор, решает, где та будет находиться до Страшного суда — примут ли ее сразу в райских обителях, или она как бы заснет до Судного дня, либо будет обречена на адовы мучения...

Усопшие в отличие от живых лишены очень важной возможности — молиться. Такое право сохраняют только люди, сумевшие еще при жизни собрать и сохранить в себе Благодать Божию, — святые. Именно поэтому мы обращаемся к ним в бедах, в болезни, в сложных ситуациях, просим о том, чтобы они ходатайствовали за нас перед Господом. Пресвятая Богородица, св. Николай Чудотворец и другие угодники способны помочь и нашим умершим родственникам, друзьям. Вот почему особенно важными считаются молитвы за покойных в первые сорок дней после смерти, в самое трудное для них время, когда они предстают Небесному Престолу для Божиего решения.

Пока Страшный суд не настал, еще остаются возможности изменить в лучшую сторону загробную участь усопших. Не зря же в некоторых обителях говорят: «В

монастыре умирать не страшно — отмолят!» Подразумевается, что все монахи дружно молятся за покойного брата или сестру и вместе, общими непрерывными усилиями способны упросить Господа простить их согрешения.

В отличие от языческих представлений христианство дает понять: не мы нуждаемся в помощи умерших родственников, а они в нашей! Действительно возможно облегчить их посмертные страдания. И даже вызволить кого-то из ада. Некоторые прозорливые старцы свидетельствовали, что такие случаи бывают, причем нередко.

Вот для чего необходимы в первую очередь родительские субботы. Мы не только выражаем благодарность дорогим, близким людям, уже покинувшим сей мир, но и стараемся своими молитвами помочь им в мире ином. Предкам и соотечественникам, строившим и сохранявшим нашу страну, бесчисленным воинам разных эпох, собственными страданиями, подвигами, жизнями отстоявшим Веру, свободу и существование России. Молимся за всех православных христиан — сколько их было. Безвестных, неизвестных, но также принадлежащих к нашей Церкви.

Самое ценное здесь то, что помощью эта совершенно бескорыстная. Идем в храм, подолгу выстаиваем на службах, молимся на панихидах, жертвуем милостыню

ради людей, которые нам уже заведомо не принесут никакой «практической пользы». Но именно такие труды ценит Господь: «И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники то же делают. И если взаимы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают взаимы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших и благотворите, и взаимы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего...» (Лк, 6, 33–35).

За бескорыстные добрые дела как раз Он и награждает — Своей Благодатью. Следовательно, родительские субботы необходимы и нам. Как одно из верных средств, которые православная церковь предлагает для нашего спасения. Было бы желание им воспользоваться — Бог дал человеку свободную волю, и насильно в рай никто никого не тащит.

На вопрос: «Какой день в году следует выбрать для посещения мест захоронения родственников?» — едва ли можно дать ответ универсальный, устраивающий всех (к примеру, тех, кто в силу трудовой занятости рассматривать в этом плане вторник, Радоницу, никак не может). Люди воцерковленные, так или иначе проторившие себе «дорогу к храму», подобными вопросами обычно не задаются, в крайнем случае могут посоветоваться со священниками. Многим другим россиянам, наверное, было бы правильнее сделать раз и навсегда иной, гораздо более важный выбор — не между конкретными датами (на Пасху или в какой-то другой день), но между необходимостью время от времени чтить своим присутствием могилы родных и близких (осуществляя, вестимо, там должный уход) и... поиском причин для того, чтобы туда не идти, не ездить. Конечно же, лучше бы выбрать первое.

Военно-полевой роман

Валерий Бурт

Петр Гострик родился в далеком 1916 году. В июле Петр Никифорович достигнет векового рубежа. Его супруга, Людмила Андреевна, осенью отметит 95-летие.

Несмотря на почтенный возраст, орденосные ветераны Великой Отечественной сохраняют бодрость и жизнелюбие. В этом корреспондент «Своего» убедился при личном знакомстве с четой Гостриков, побывав у них в гостях в столичном районе Митино.

ДВЕРЬ квартиры как-то слишком стремительно открылась, мелькнула мысль: наверное, не туда позвонил. На пороге улыбающийся, с копной седых волос, мужчина. На всякий случай уточняю: «Петр Никифорович?» Хозяин жилплощади, задорно блеснув глазами, подтверждает: «Он самый!»

Вот она, реальность — заслуженная для самого ветерана и обнадеживающая для тех, кто смотрит на подобный возраст как на недостижимую вершину. Выходит, и на такой Эверест можно при определенных условиях взойти? Если так, то где найти к нему заветную тропинку?

Об этом непременно спрошу моего собеседника, но чуть позже...

— Родился я на Украине, в городке Новый Буг Николаевской области, — неспешно начинает он свой рассказ. — Замечательные были родители — царствие им небесное. Мама, Прасковья Ивановна, держала на своих плечах дом, воспитывала троих детей — были у меня брат и сестра. Отец, Никифор Тимофеевич, богатства не нажил, трудился простым рабочим. Воевал в Первую мировую. Какой чин имел? Унтер-офицера. Служил исправно, пулям не кланялся. Жаль, в голодное время его Георгиевские кресты пришлось поменять на муку... А вот медали за другую войну с немцами — Великую Отечественную — отец хранил всю жизнь. Пошел тогда в армию без раздумий, хотя и призыву не подлежал: в сорок первом ему было уже за шестьдесят. Отец долго упрашивал, чтобы его мобилизовали, и добился своего. Служил в кавалерии.

— Как складывалась Ваша жизнь?

— Окончил школу, уехал в Челябинск, работал техником на железнодорожной станции. Через три месяца перевели на должность инженера. Почему так скоро? Не знаю, честное слово. Может, способности какие во мне начальство разглядело?

Как и многие молодые люди в то время, он мечтал летать. Заманчивых, влекущих за собой примеров перед глазами было немало: Чкалов, Громов, Водопьянов, Байдуков, Коккинаки. И скоро мечта стала явью.

Петру едва перевалило за двадцать, когда его вызвали в обком комсомола. Там представитель Челябинского военного авиационного училища предложил парню освоить профессию летчика. Впрочем, не ему одному, а дюжине ребят. Лишь двое прошли медкомиссию, и среди них — нынешний собеседник журнала «Свой».

Гострик окончил летное училище в 1940-м, а спустя год грянула вой-

на. 22 июня, через несколько часов после нападения гитлеровцев, Петр с товарищами уже спешил в штаб ВВС Южного фронта. Немцы так стремительно двигались на восток, что, прибыв к месту назначения, штаба они не обнаружили, он уже перебазировался в другой район. Пришлось долго шагать пешком, мчаться на попутках, слыша пронзительный рев вражеских бомбардировщиков, свист пуль и вой бомб. В конце концов летчик отыскал штаб — в Николаеве, рядом с родными для него местами.

У каждого была своя война, для абсолютного большинства наших соотечественников она оказалась очень опасной и

коварной. Тем более, если речь о пилотах. Гострик летал на тихоходных деревянных По-2. Эта машина — ее называли также У-2 — выпускалась еще в конце двадцатых годов! Кубарем свалиться с небес на таком биплане было куда проще, нежели уйти из-под огня вражеских «мессеров» и «юнкерсов». Однако уцелеть Петру нужно было позарез — ведь старший лейтенант доставлял летчикам других соединений приказы командующего 4-й Воздушной армией генерала Константина Вершинина, играл важную роль в обеспечении прикрытия наземных войск, их взаимодействия с авиацией. То есть точно знал, где уязвимые места в немецких позициях и как по ним надо ударить с земли и с воздуха.

От выполнения этих приказов зависели жизни десятков тысяч советских бойцов и командиров. И получалось, что смерть permanently караулила летчика, а судьба так же неизменно хранила.

Во время войны Леонид Уте-сов исполнял шуточную песню, в которой звучат такие слова: «Бак пробит, хвост горит, и машина

У Петра Никифоровича и Людмилы Андреевны на двоих — 194 прожитых года, больше века боевого и трудового стажа, восемь орденов и сорок с лишним медалей

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

летит — на честном слове и на одном крыле». Как будто про нашего героя и его штурмана. Разве только шуткам здесь далеко не всегда было место. Через несколько месяцев из четырех офицеров воздушной связи в живых остался лишь Гострик.

Однажды в районе Сальских степей на безоружный, по сути, самолет — у пилотов были только пистолеты — напала четверка немецких истребителей. Уходя от погони, изрешеченный пулями, он рухнул на вспаханное поле. Фашисты, словно коршуны, долго кружили над этим местом, высматривая добычу. Однако летчики — фортуна была на их стороне — сумели укрыться в ближайшем лесочке. Позже, когда вернулись к самолету, ахнули: в машине обнаружилось более пятидесяти робоин.

— Как-то раз мы возвращались из штаба армии и при посадке на аэродроме у станции Абинской попали под сильный обстрел, — рассказывает Петр Никифорович. — Один из снарядов взорвался перед самолетом, и взрывная волна его опрокинула. Хорошо, что нашу беду увидели пехотинцы. Невзирая на шквальный вражеский огонь, подбежали и поставили машину на колеса. Если бы не эти ребята, отправили бы нас немцы на тот свет.

Был еще один случай, чуть не оборвавший жизнь Гострика. В момент воздушного налета — уже на зем-

ле — с неистовой силой ударило его взрывом двухтонного германского фугаса. Получил тяжелую контузию, долго лежал без сознания. В госпитале заново учился говорить, видеть, слышать.

Тяжелые военные будни дарили людям порой и радости. Петра Никифоровича наградили щедро — любовью на всю жизнь. С Людмилой Андреевной, бывшей боевой телеграфисткой, он связан узами брака уже 70 с лишним лет. К этому замечательному факту необходимо добавить: у супружеской пары множество поводов для законной гордости — большая коллекция военных наград, два сына, внуки, правнуки, преданные друзья.

Знакомство началось с фронтового концерта. Ведущий объявил: «Сейчас перед вами выступит ефрейтор Людмила Голубенко. Она исполнит «Соловья» композитора Алябьева и украинскую песню «Ганзя». Через несколько минут бравый летчик в первом ряду хлопал, не жалея ладоней, — чудо как хороша была девчонка и пела красиво! Да и она Петра сразу приметил.

Людмила Андреевна — тоже с Украины, из города Вознесенска. Работала учительницей начальных классов, на фронт отправилась добровольцем. Вместе с 4-й Воздушной армией прошла всю войну. Может, и дальше оставалась бы на службе после счастливого знакомства, но ждала ребенка.

Чтобы пожениться на фронте, требовалось разрешение начальства. Так вот Петра и Людмилу благословил сам генерал Вершинин — Герой Советского Союза, будущий маршал авиации и Главнокомандующий ВВС Советского Союза. Свадьбу сыграли, точнее, отметили 23 февраля 1945 года. Молодожены дошли до Берлина и оставили свои автографы на стенах рейхстага...

— Давит возраст, Петр Никифорович?

— Что там говорить, ощущаю я свой век — болячек хватает. Вот если бы годков пятнадцать скинуть, — улыбается полковник в отставке. — Ничего не поделаешь. Бегать, как прежде, конечно, не могу, но хожу, как видите, без посторонней помощи. И на даче в Медвежьих озерах сложа руки не сижу.

— Читаете? Тем, что в мире происходит, интересуетесь?

— А как же! Газеты читаю и телевизор смотрю. Слезу за тем, что на моей Украине происходит. Ох, и болит у меня душа...

Людмила Андреевна тоже бодрится. Хотя и у нее здоровье несколько пошатнулось, главное огорчение — зрение подводит. Тем не менее кое-какую домашнюю работу она выполняет. Очень жалеет, что не может больше рукодельничать. Предмет давней гордости — изящная вышивка, украшающая гостеприимную квартиру Гостриков.

На прощание поговорили о том самом Эвересте, на который взошли супруги. Как сумели добраться до него, сохранив завидную энергию и бодрость духа?

— Не знаю, честное слово, — удивляется Петр Никифорович. — Жил, как все: работал, воспитывал детей... Сколько себя помню, был окружен хорошими людьми. Ставил себе цели и добивался их. И всегда был при деле.

— Мне кажется, надо быть терпимее к людям, — говорит Людмила Андреевна. — Не сердиться попусту, не таить обид. И прощать чаще. Все ошибки совершают...

Вот такой рецепт долголетия.

Философ о философе

БЫТ или не быт

Федор Иванов

Вскорости грядет очередной юбилей Василия Розанова — 160 лет со дня рождения. Это значит, как минимум, что о нем снова будут много говорить, писать, спорить. Причислять то к каким-нибудь «филам», а то, напротив, — к «фобам». В стотысячный раз станут искать некие объективные причины, побудившие его высказаться именно так, а не иначе, с энтузиазмом первооткрывателей найдут в этих пестрых высказываниях россыпь вопиющих противоречий. Объективно тут по большому счету одно: Василий Розанов был глубоко русским человеком, с присущими этому «особому типу» людей яркими достоинствами и драматическими недостатками. А чего было больше — каждый видит по-своему.

ОСВЕТИТЬ, даже вкратце, все грани его творчества в одной небольшой статье категорически невозможно. Но назвать основные, наиболее очевидные признаки или, наоборот, такие, которые до сих пор плохо артикулированы, — дело важное и нужное.

Некоторые исследователи и почитатели, увлекшись особо «проблемами пола», радостно замечают, что родился юбилар всего лишь четырьмя днями ранее Зигмунда Фрейда. Есть ли в этом какая-то закономерность? Наверное. Хотя вряд ли ей следует уделять более пристальное внимание, нежели другой параллели, тоже связанной с крупным европейским интеллектуалом — Фридрихом Ницше.

Розанов и Ницше ввели в философию то, что мы понимаем теперь как клиповое мышление. Это не редукция. И тем более не профанация. Но способ передачи сложных мыслей посредством образов, причем зачастую таких, которые близкого отношения к самим мыслям не имеют.

Скажем, видит Розанов, что среди современного ему образованного класса популярен и даже авторитетен Чернышевский, а это — нонсенс, сущее недоразумение. «Что делать? — думает Василий Васильевич. — Разразиться большой статьей и в ней популярно растолковать, что как мыслитель тот — пустое место? Так ведь придется потом по новой что-то доказывать, погрязнуть с головой в эдаких-то мелочах. А дай-ка я помещу его в «клип» с Гоголем, там-то все и увидят настоящую роль революционного демократа в русской истории».

Популярная форма — великая вещь, особенно когда в нее облачается многомудрое содержание. Понятно, что такого слова, как «клип», в конце XIX — начале XX века в России не употребляли, и тем не менее нечто подобное Розанов явно подразумевал, когда сообщил нам скороговоркой:

«Гоголь копошится в атомах. Атомный писатель. «Элементы», «первые стихии» души человеческой: грубость (Собакевич), слащавость (Манилов), бестолковость (Коробочка), пролазничество (Чичиков). И прочее. Все элементарно, плоско... Кто же не поймет азбуки. Понял даже Чернышевский, не умевший различить чубука (трубки) от жены (основная идея «Что делать?»). Тут же, вдогонку, дается разъясняющая цитата из Чернышевского: «Не обижает же вас, если кто покурит из вашей трубки. Почему же сердиться, если кто-нибудь совокупится с вашей женой».

Телеграфным стилем, буквально несколькими фразами автор показал непреходящую ценность Гоголя и малозначительность, «с точки зрения вечности», другого исторического персонажа. Как это примерно могло бы выглядеть, если бы в те годы умели снимать короткие юмористические киноролики? Наверное, так...

Николай Гаврилович... Розанов в своих произведениях почему-то упорно именовал его «Николаем Гри-

горьевичем», а на замечания коллег по этому поводу принципиально не реагировал... Так вот, Николай Гаврилович вместе с дражайшей супругой встречают Николая Васильевича у порога и ведут в гостиную. Хозяин услужливо предлагает ему табак и трубку. А когда тот морщится и отказывается, следует предложение «развлечься» с не менее гостеприимной хозяйкой. Наконец, выяснив, что Гоголь пришел вовсе не за этим, а просто поболтать, насладиться дружеской беседой, все трое плюхаются на диван и обсуждают его бессмертное произведение... И все это хорошо бы показать на быстрой перемотке — для вящего, так сказать, комизма.

Подобные сцены, впрочем, могут служить и иллюстрацией большого вклада Розанова в развитие русского литературного авангарда: вначале — розановские «клипы», после — знаменитые хармсовы анекдоты и «далее по списку».

Розанов, конечно же, никакой не юморист. В плане трагической серьезности он ничуть не уступает Ницше. С той существенной разницей, что немец воспевал умозрительный и, в сущности, антигумани-

стический принцип: «Человек (с его житейскими радостями-слабостями) — то, что нужно преодолеть». А его русский собрат, совсем наоборот, ставил в центр вселенной маленького человека. Пусть и с недюжинным умом, колоссальной эрудицией, богатейшей фантазией, страстным желанием разрешить гигантский ворох проблем: от узкобытовых до онтологических и метафизических. От покупки новой добротной шинели («на толстой вате, на крепкой подкладке без износу») до реформ образования, государства и церкви, сакрализации пола (в смысле секса) и разгадки миссии Великого Инквизитора.

Обобщенный «лирический герой» Василия Васильевича — его альтер эго. А точнее, просто эго, без всякого альтер. Частное, личное, сугубо бытовое стояло у него не просто на первом месте — на пяти, если не на десяти первых местах. Служило основой для всех его наблюдений, прозрений, теорий. Даже в статье памяти любимого историка Василия Ключевского, через год после его смерти, Розанов не преминул это «бытовое» жирно подчеркнуть (при этом противопоставив бытописателю Ключевскому «государственников» Николая Карамзина и Сергея Соловьева, а также «хотла» Николая Костомарова):

«Конечно, быт есть самое главное; быт — сейчас «за душой», обволакивает душу уже непосредственно, осязательно; из быта развиваются, строятся учреждения; из него направляются события, происходит «все»...».

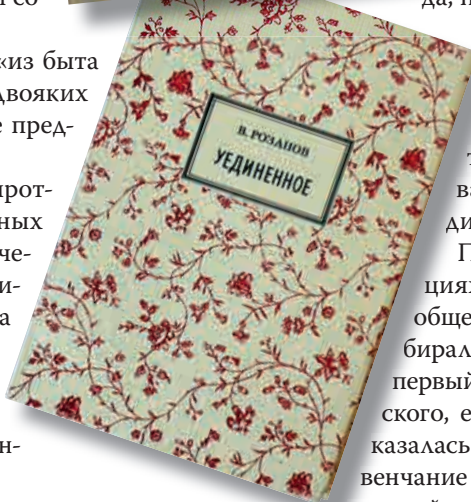
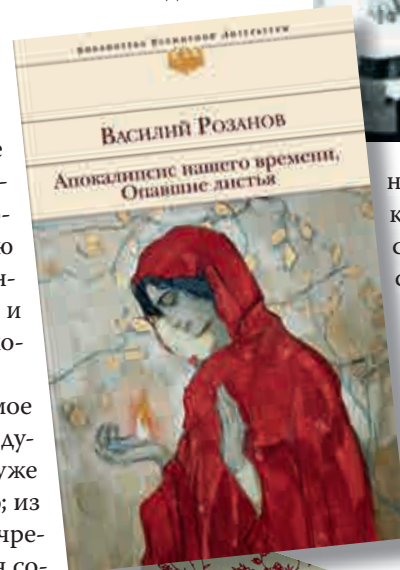
Вот она, квинтэссенция — «из быта происходит все». И никаких двояких толкований сей императив не предлагает.

Воспоминания о трудном сиротском детстве и не менее сложных юношеских годах, драматические нюансы взрослой, матримонимальной жизни, тревога за будущее детей (и это, пожалуй, самое главное!) — опорные, отправные точки если и не всех, то абсолютного большинства его сочинений.

Когда в «Сумерках просвещения» он описывал недостатки всеобщего образования (тире воспитания), предложив некоторые способы решения проблем, то имел в виду не только свой, во многом печальный, опыт — гимназиста, студента, учителя,

С. В. Бутягиной и детьми

но и крайне важное для него обстоятельство: к моменту завершения труда появились на свет маленькие Таня и Вера. Им тоже придется посещать учебные заведения, а значит, надо сделать все возможное, чтобы процесс обучения был девочкам не в тягость. Рассуждая о целесообразности передачи некоторой доли образовательного курса в семью, Розанов, в частности, писал: «Все так называемые «русские предметы», т.е. весь курс гимназической программы, за исключением математики и языков, проходятся дома не только без труда, но и неизмеримо тщательнее, без зияний невежества, какие бывают у каждого ученика гимназии, приступающего к испытанию зрелости».

То есть собственных дочерей по некоторым предметам он в будущем планировал обучать в домашних условиях и находил в этом исключительную пользу.

Порой в своих проекциях-экстраполяциях, в гигантских скачках «от частного к общему» философ, как полагают многие, забирался слишком далеко. Крайне неудачный первый брак с бывшей любовницей Достоевского, его кумира, которая по расставании отказалась официально развестись, затем тайное венчание с Варварой Бутягиной и создание с ней крепкой многодетной семьи привели в итоге к тому, что дети Розанова считались незаконнорожденными. Это стало для него страшным испытанием, доводило до отчаяния и пароксизмов тиражируемой на сотнях страниц заведомой, «теологической» ереси. При том,

что он, внук священника, к добрым русским батюшкам относился более чем дружелюбно. Как, впрочем, и они к нему.

Все его «антиправославные», «антихристианские» опусы — не что иное, как следствие фатальной неурегулированности семейного быта. Точнее, последний-то сам по себе был вполне нормален, освящен взаимной любовью и согрет теплом домашнего очага, но вот формальный статус семейства (а главное, детей) являлся для Василия Васильевича предметом постоянных тревог и душевных терзаний.

«Антихристианство» как мировоззрение развивалось все по той же частно-общей схеме: невозможность зарегистрировать брак и узаконить потомство в церкви породила неприятие ее как института, толкнула на поиски альтернативной религии, на чрезвычайно эмоциональное теоретизирование в вопросах веры, пола, смысла деторождения.

Как это соотносится с его заботой о семье, о ее спокойствии и благополучии? Разве публичная хула на вероучение в теократическом, по сути, государстве не чревата новыми серьезными проблемами, усугубляющими прежние? Такой вопрос как будто явно напрашивается.

Ну, во-первых, «тюрьма народов» оказалась, судя по всему, далеко не так страшна, как ее малевали большевики. А во-вторых, розановский эгоцентризм был могуч и фундаментален, стремление поставить себя и собственные чаяния в центр мироздания — неискоренимо. По-сему компромиссы в борьбе за место под солнцем им до поры до времени решительно отвергались.

«...Мир есть мое представление. По этому тезису я вовсе не обязан писать верно историю или географию: а писать — «как мне представляется». Не будь Шопенгауэра, мне, может, было бы стыдно: а как есть Шопенгауэр, то мне «слава Богу». Из Шопенгауэра я прочел

тоже только первую половину первой страницы: но на ней-то первую строкою и стоит это: «Мир есть мое представление».

— Вот это хорошо, — подумал я по-обломовски. — «Представим», что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно».

Этические оценки тут вряд ли уместны. Если бы Розанов не обладал теми качествами, которые

Невозможность зарегистрировать брак и узаконить потомство в церкви породила неприятие ее как института, толкнула на поиски альтернативной религии

сделали его философом, то мы бы сегодня не думали и не говорили о нем, не зачитывались «Уединенным», «Опавшими листьями» и другими превосходными его вещами — всего этого просто не появилось бы. Не цитировали бы время от времени проникновенные, наполненные апокалиптическими предчувствиями строки о России. Например, эти: «Счастливую и великую родину любить не велика

вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и... будет являть одни кости — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Да будет так...»

Или следующие: «Россию подменили. Вставили на ее место другую свечку. И она горит чужим пламенем, чужим огнем, светит не русским светом и по-русски не согревает комнаты. Русское сало растеклось по шандалу. Когда эта чужая свечка выгорит, мы соберем остаток русского сальца. И сделаем еще последнюю русскую свечечку. Постараемся накопить еще больше русского сала и зажечь ее от той маленькой. Не успеем — русский свет погаснет в мире».

Хочется надеяться, что подобные изречения никогда не станут актуальными вновь. Гораздо добрее, веселее, оптимистичнее звучат другие слова Василия Васильевича: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем».

Да будет так.

И. ПЛАЗУНОВ. «ГОЛГОФА». 1983

Родное слово

Чистые зеркала

Дарья Ефремова

28 мая исполняется 130 лет со дня рождения поэта, переводчика, пушкиниста, «лирика чистой воды» Владислава Ходасевича. Того, кто, по мнению его преданного поклонника Максима Горького, не поддавался «искажающим влияниям эпохи, капризам литературных настроений, деспотизму «мод» и «законам» декаданса».

«Про Ходасевича говорят: «Да и он поэт тоже...» И хочется крикнуть: «Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде...» — писал до поры до времени товарищ и всегда восторженный его почитатель Андрей Белый. А «буревестник революции» ему зычно и безапелляционно вторил: «Ахматова — однообразна, Блок — тоже, Ходасевич... крайне крупная величина... большой и строгий талант».

Водивший светские знакомства с бомондом обеих столиц, а затем «русских» Берлина и Парижа Владислав Фелицианович, почти как его «однообразная» современница, нашел отражение в сотне зеркал. Самые известные мемуары вышли из-под пера Нины Берберовой, его гражданской жены, третьей по счету. «Не могу оставить Ходасевича более чем на час: он может

ФОТО: ИТАР-ТАСС

Портрет В. Ходасевича, выполненный его племянницей Валентиной

выброситься в окно, может открыть газ... Он встает поздно, если вообще встает, иногда к полудню, иногда к часу. Днем читает, пишет, иногда выходит ненадолго, иногда ездит в редакцию «Дней». Возвращается униженный и раздавленный. Мы обедаем. Ни зелени, ни рыбы, ни сыра он не ест. Готовить я не умею. Вечерами мы выходим, возвращаемся поздно. Сидим в кафе на Монпарнасе, то здесь, то там, а чаще в Ротонде...» Но это — уже о немолдом, измученном лишениями и нескончаемыми болезнями литераторе. Свидетели его лучших лет отмечали иное: остроту ума и богатство фантазии, прямоту характера, скептицизм, колкий взгляд черных глаз на «незначительном» бледном

нии. По воспоминаниям Берберовой, «почти ни с кем не поздоровался, он требовал, чтобы пили за него, потому что он уезжает, чтобы быть распятым. За кого? За всех вас, господа... Он едет в Россию, чтобы дать себя распять за всю русскую литературу, за которую он прольет кровь. «Только не за меня!» — сказал с места Ходасевич тихо, но отчетливо в этом месте его речи. — Я не хочу, чтобы вас, Борис Николаевич, распяли за меня. Я вам никак не могу дать такого поручения». Белый поставил свой стакан на место и, глядя перед собой невидящими глазами, заявил, что Ходасевич поливает все ядом своего скепсиса и он, Белый, прерывает с ним всякие от-

Но гораздо чаще делал утомленное и скучающее лицо и стонал:

— Боже, какая дрянь! — Или:

— Что я тебе сделал дурного? За что ты мне этакое читаешь?

И начинался разбор, подробный, долгий, уничтожающий... Должен признаться, что я относился к его писаниям приблизительно так же. И так же каждый из нас относился к себе самому».

Как азартный игрок на неверную карту, он поставил на слово «душу свою и судьбу» прозрачной весной 1902-го. «В те дни Бальмонт писал «Будем как солнце» — и не знал... что в удушливых классах 3-й московской гимназии два мальчика, Гофман Виктор и Ходасевич Владислав, читают и перечитывают...

лице, успех у прекрасного пола. В стихах — пронизательность, точность без метафор и пестроты, суетности и прикрас.

«Эти стихи порой ударяют больно по сердцу, как горькое признание, сказанное сквозь зубы и с сухими глазами...» — отзывался Валерий Брюсов. «Простой ямб... почти протокол, но протокол — правды отстоенного душевно-духовного знания. Вот то, что новей футуризма, экспрессионизма и прочих течений...» — подхватывал Андрей Белый. Отличительная строгость Ходасевича в конечном счете расстроила давнюю дружбу.

Осень 1923-го. Закат «русского Берлина». Многолюдный прощальный обед разъезжающихся писателей. Белый пришел на него в крайне раздраженном состоя-

нии. Ходасевич побледнел. Все зашумели, превращая факт распятия в шутку...»

Чем лучше он относился к человеку, тем был безжалостнее.

«Истинно, никто бы не мог сказать, что мы кадили друг другу. «Едкие осуждения» мы по совети предпочитали «упойтельным похвалам», — с отсылкой к Баратынскому вспоминал Ходасевич о своем, быть может, единственном по-настоящему близком приятеле Самуиле Киссине, более известном как поэт Муни.

«Я шел к нему с каждым новыми стихами. Прислушав, он говорил:

— Дай-ка, я погляжу глазами. Голосом — смазываешь, прикрашиваешь.

В лучшем случае, прочитав, он говорил, что «это не так уж плохо».

всеми правдами и неправдами раздобытые корректуры скорпионовских «Северных Цветов». Вот впервые оттиснутый «Художник-дьявол», вот «Хочу быть дерзким», которому еще только предстоит стать пресловутым, вот «Восхваление Луны», подписанное псевдонимом Лионель. Читали украдкой и дрожали от радости. Еще бы. Шестнадцать лет, солнце светит, а в этих стихах целое откровение. Ведь это же бесконечно ново, прекрасно, необычайно!...»

Эти воспоминания поэт опубликовал в газете «Утро России» в 1916-м. Дача Макса Волошина, белый билет (к армейской службе Ходасевич непригоден — туберкулез позвоночника), переводы, газетная поденщина... Позади яркий дебют, сборник «Молодость»,

Н. Берберова,
В. Ходасевич
и Ю. Терапиано в Париже. 1926

отмеченный самим Брюсовым, женитьба и болезненный разрыв с красавицей Мариной Рындиной («А если снова, под густой вуалью, / Она придет и в двери постучится, / Как сладко будет спящим притвориться / И мирных дней не уязвить печалью!»), дурная полоса, карты и пьянство — ключевые слова в биографических справках о тех годах. Играл в бридж и покер, проигрывал больше, чем зарабатывал, заключил новый, внешне благополучный брак с Анной Гренцион, посвятил ей поэтический сборник «Счастливый домик». Кукольное название, на самом деле, отсылает к пушкинскому «И от недружеского взора / Счастливый домик охраня!».

Радости простой любви сопровождаются шепотом дождя, пустыми и молчаливыми ночами, мерным философствованием сверчка за печкой: «Живем себе, живем, скрипим себе, скрипим». Это условно уютное земное обиталище соседствует с другим — тем, где ладья, «глухой старик ворчит сердито», «да вопли с берегов Коцита».

Так создается литературная легенда Ходасевича, куется его уникальный стиль: предельная смысловая точность при виртуозной скупости слов, где каждое, как «в ванне Архимеда вытесняет лишнюю влагу». С выходом кни-

ги «Путем зерна» он окончательно утверждается среди тех, «кто прав последней правотой» и не нуждается в преувеличенных средствах выразительности.

«И ты, моя страна, и ты, ее народ, / Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, — / Затем, что мудрость нам единая дана: / Всеуму иди путем зерна», — таков его отклик на события 1917-го. А вот знаменитое стихотворение из сборника «Тяжелая лира»: «Перешагни, перескочи, / Перелети, перече что хочешь — / Но вырвись: камнем из пращи, / Звездой, сорвавшейся в ночи... / Сам затерял — теперь ищи... / Бог знает, что себе бормочешь, / Ища пенсне или ключи».

«Почти розановская записка, с бормочущими домашними рифмами, неожиданно короткая... внезапное вторжение записной книжки в классную комнату высокой лирики», — скажет об этом Юрий Тынянов. Он же отметит обращение к народности в державинском смысле слова, зловещую угловатость и нарочитую неловкость зрелой лирики Ходасевича, куда более рельефной истройной в других его знаменитых строфах: «Довольно! Красоты не надо! / Не стоит песен подлый мир! / Померкни, Тассова лампада! / Забудься, друг веков, Омир! / И революции не надо! / Ее рассеянная

рать / Одной венчается наградой, / Одной свободой — торговать».

Лаконичность, истончающая стихи до последней простоты, неприятие любых идеологических соображений глубоко первичны. Он признавал только естественный ход вещей, самобытность и откровенное нежелание быть в русле каких-либо школ или течений. Все это в конечном счете поставило Ходасевича на трудную стезю — «путь Пушкина», как скажет об этом Горький. «Новатор наизнанку» — такой вердикт вынесут носители нового вкуса Москвы и Петрограда: в нигилистической атмосфере тех лет архаизмы были не просто смелы, но дерзки, отмежевание от всякого рода футуристов воспринималось не иначе как вызов. Нападку, поначалу робкие, в середине 20-х звучали уже вполне открыто.

«Нет смысла доказывать, что дурно-рифмованным недомоганиям г. Ходасевича не помогут никакие мягкие припарки», — распаялся Николай Асеев. Семен Родов и вообще был склонен обвинять поэта во всех грехах: неверная классовая позиция, поиск дешевой популярности, продажность. Работа в театральном отделе Наркомпроса вместе с Бальмонтом, Балтрушайтисом, Брюсовым и Пастернаком, преподавание и лекции в Пролеткульте (его цикл о Пушкине собирал полные аудитории), попытки издавать студийный журнал к тому моменту были в прошлом.

«Я видел, как в несколько месяцев лестью и пагубной теорией «пролетарского искусства» испортили, изуродовали, развратили молодежь, в сущности, очень хорошую...» — писал он в 1937-м. Это было за два года до его ухода. Ходасевич умер в одной из муниципальных парижских больниц после тяжелой операции. Воспоминания о современниках — Брюсове, Белом, Гумилеве, Есенине, Сологубе — вышли в том же 39-м. Намерение написать биографию Пушкина так и осталось неосуществленным.

Турецкий фронт России. 1914–1917

Алексей Олейников

М.: Вече, 2016. — 288 с.

На резкое ухудшение российско-турецких отношений отечественные книжные издательства отреагировали адекватно, выпустив несколько довольно качественных новинок нон-фикшн. Тема одной из них, написанной профессиональным историком Алексеем Олейниковым, выражена в заглавии. Немногим более века назад Турция, верная союзническим обязательствам перед Германией, вступила в Первую мировую войну. С помощью могущественного европейского партнера османы стремились во что бы то ни стало взять реванш за прежние поражения от России, настроив против нее (а равно Антанты) весь мусульманский мир, отвоевать нефтеносные районы Каспия и другие территории. Осенью 1914-го турки осуществили, по сути, разбойничье нападение на российское черноморское побережье, атаковали с моря Одессу, Севастополь, Новороссийск и тем самым вынудили наше правительство открыть Кавказский фронт.

Уже в первый год войны русские стали уверенно побеждать врага на этом театре военных действий. В 1916-м успехи нашей армии в Закавказье достигли кульминации. Казалось, что в дальнейшем Османская империя как крупная держава прекратит свое существование. Войскам Антанты следовало, ни много ни мало, захватить Стамбул, и такая задача не выглядела чрезвычайно сложной. Почему этого не произошло, а наши соотечественники вместе с союзниками по коалиции не прошли победным маршем по улицам бывшего Константинополя? На этот и другие подобные вопросы книга Олейникова, содержащая большое количество задокументированных фактов, весьма подробно отвечает. Прежде всего, в посвященной данному историческому ас-

пекту главе «Босфор и Дарданеллы» — Россия в Дарданелльской операции Антанты и Босфорская экспедиция».

Два лика Рильке:
кн. Мария фон Турн-унд-Таксис. Воспоминания о Райнере Мария Рильке; Лу Андреас-Саломе.
Райнер Мария Рильке
Пер. и послесл. Н. Болдырева.
М.: Водолей, 2015. — 280 с.

С этим сборником, состоящим в основном из воспоминаний немецкой аристократки, а также мемуарных откровений дочери русского генерала («самой знаменитой интеллектуалки Европы начала XX века» — так она представлена в аннотации), содержательно переключается материал, опубликованный журналом «Свой» в прошлом году. Там рассказывалось о судьбе второй из них — Луизы Саломе. В частности, об их близкой дружбе с Рильке, о совместных путешествиях этой чрезвычайно экстравагантной пары по России, о том, как во многом под влиянием подруги, в которую он был страстно влюблен, выдающийся поэт проникся самыми теплыми чувствами к нашей стране. И даже назвал ее своей родиной: «То, что Россия — моя отчизна, это факт, принадлежащий к той великой и тайной благодати, которая позволяет мне жить». Сквозь призму этого парадоксального признания, пожалуй, уместно рассматривать и львиную долю зрелого творчества германца, и многие мемуары, посвященные его жизни.

Издание, приуроченное к 140-летию со дня рождения поэта (юбилей отметили 4 декабря 2015-го), подготовил писатель и переводчик Николай Болдырев. Кстати, за свой проект «Малое собрание сочинений Р.-М. Рильке в семи книгах» он удостоился Бажовской литературной премии.

Валентин Катаев: государство и левитация

Сергей Шаргунов встретил XXI век двадцатилетним и практически мгновенно добился известности в российских литературных кругах. В 2001-м он удостоился национальной премии «Дебют», причем в самой престижной номинации. Его произведения пользуются немалым спросом у читающей публики. За последние годы Шаргунов стал заметной медийной персоной: являясь главным редактором популярного информационно-политического сайта «Свободная пресса», он регулярно выступает в качестве эксперта и журналиста на различных телеканалах страны. В ближайшее время в издательстве «Молодая гвардия», в серии «ЖЗЛ» выйдет его новая книга — исследование жизни писателя Валентина Катаева. «Свой» предлагает вашему вниманию отрывок из этой новинки.

ВОСЕМЬДЕСЯТ два он писал о «божественной невесомости» и ощущении человеком возможности «лететь, как бабочка». В восемьдесят пять вспоминал юношеский сон на войне: «Мне снилось, что я летаю в какой-то незнакомой большой комнате под самым потолком».

Домашние помогли ему «левитировать». Тина Катаева называет это «опытами с биоэнергией».

Они соприкасались руками над головой неподвижно сидящего на стуле Валентина Петровича. Потом под мышки и под колени легко поднимали «испытуемого», вдруг потерявшего вес.

Он делался невесомым. Для него отменялось тяготение. Казалось, он устремлялся к потолку, как воздушный шар.

Древний вампир, он учился летать темными переделкинскими вечерами...

Между прочим, вампир-государственный.

20 марта 1977-го в «Правде» Катаев выступил против «диссидентов».

Казалось бы, зачем? Восемьдесят лет, Звезда Героя есть, должностных амбиций нет, ничто не угрожает, живи на даче и побеждай земное тяготение в текстах и не только...

А может быть, он так и думал, как писал в газете?

Статья называлась «Хочу мира». Он вспоминал об истоках советской власти и «Скифах» Блока: «И вправду, это была варварская лира». Затем, когда страна прошла «трудный, тернистый путь», «возникла могущественная держава, одно из сильнейших государств мира». Ей всегда доставалось от разных недругов («то Геббельс, то бандеровцы»), и вот — новая напасть: «Появились так называемые «диссиденты», или «инакомыслящие», сделавшие из своего «диссидентства» и «инакомыслия» довольно выгодную профессию. Они разными путями бежали или были изгнаны со своей родины за

границу и подняли там ужасный антисоветский шум, который изредка доносится до слуха честных советских людей по каналам множества радиостанций. Откуда берутся колоссальные деньги на их содержание, даже и догадываться нечего. Антисоветская пропаганда

взрывают дома, подслушивают телефонные разговоры, воруют, берут взятки, грабят на улицах, грабят в метро; предприниматели грабят рабочих, миллионы безработных ищут и не могут найти себе работу, миллионы девушек и юношей гибнут от наркотиков; процветают

ФОТО: ИТАР-ТАСС

то немного утихает, то снова усиливается. Сейчас, например, мы наблюдаем очередной шквал. Если считать по сейсмической шкале — баллов восемь-девять. Обычно при этой силе землетрясения уже начинают обваливаться здания. Однако Советское государство не ощущает ни малейших колебаний, хотя шум стоит страшный. Можно подумать, что мир рушится. А, собственно, что произошло? В чем дело? Просто «диссиденты»-неудачники высосали из пальца вопрос о «правах человека» и сделали из него орудие антисоветизма, а также (заметим мы в скобках) дойную корову, к соскам которой крепко присосалась «диссидентская» братия... Но ведь, как сказал Пушкин, надо уметь «сохранить и в подлости осанку благородства»... Неужели же вы, синьоры «диссиденты», не знаете, что в стране, которая вам платит, вас содержит, убивают президентов, неугодных политических деятелей,

алкоголизм и проституция, похищаются дети, совершаются вооруженные нападения, банды гангстеров берут заложников и убивают их, орудует мафия». Напоминает постсоветскую картину из «России в обвале» Солженицына (включая обличение «радиоголосов»).

«Диссидентов» еще иначе называют «инакомыслящими», — продолжал Катаев. — Они, так сказать, мыслят инако. Они не согласны с советским образом жизни, собственно, они не согласны с самим фактом существования нашего Советского государства. Конечно, это их право. Могут и не соглашаться. Но подрывать его основы, его институты — извините. Подрывать свои основы не позволит ни одно государство в мире — ни социалистическое, ни капиталистическое».

Повторяющийся публицистический мотив — «подрывают основы» (эхо грубого стихотворения 1911-го: «Штаует основы твои»?..)

КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Под конец жизни Катаев заявил журналисту Борису Панкину, что у белогвардейцев «была ясная программа»: «Вот вернемся, не одних только большевиков к стенке поставим, всех, кто расшатывал».

Любопытно, что он уважительно признавал правила и «капиталистического государства» (сразу вспоминается торжество в «Кубике» по случаю разгрома парижских смутьянов). То есть суть не в идеологичности, а прежде всего в «порядке», в опасении — как оказалось, справедливом — отмены «самого факта существования» большой страны, а значит, распада устоявшейся жизни. Ведь и для белого движения первична была не идеология, а «Россия — единая и неделимая».

Не о таком ли единстве Родины, имперской и красной, он писал в последних строках «Разбитой жизни»?

«...тень Луны промчалась по полям прошлых и будущих сражений.

ФОТО: РИА НОВОСТИ

По Добрудже, по Молдавии, по виноградникам Скулян, где некогда жил мой прадедушка капитан Елисей Бачей, где родился мой дед — мамин папа — генерал Иван Елисеевич Бачей, по отрогам Карпат, где я лежал с ногой, простреленной навзлет... И где маршевая рота с красным бархатным знаменем... шла...»

19 октября 77-го в Большом Кремлевском дворце состоялся «объединенный пленум правлений творческих союзов и организаций

СССР». Почетный президиум возглавил Брежнев. Выступавший одним из первых Катаев отмечал, что особенное русское слово «интеллигенция» увековечено в новой советской Конституции, и благодарил за это «нашего дорогого товарища и друга Леонида Ильича». Вспомнил Катаев и возвращение Куприна в 37-м, про которого отчеканил: «Он был честным русским патриотом». То ли дело «клеветники России»: «Чем очевиднее наши успехи и наша правда, тем громче их крики и

вопли... Клеветайте, господа, клеветайте! Вам не удастся ни на один миг задержать наше триумфальное шествие вперед! Это про вашего брата, продажного клеветника-антисоветчика, можно сказать, слегка перефразируя слова Пушкина:

*Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежесуточным враньем».*

Конечно, такая речь понравилась не всем. Василий Аксенов вспоминал, как «поднимался по

лестнице Большого Кремлевского дворца в то время, как динамики разносили по всему огромному помещению речь Катаева», — и «душа затуманилась грустью и до-садой».

«Говорят, что на такие и подобные акции его побуждали личные просьбы Михаила Андреевича Суслова, — добавляя Аксенов. — Если это действительно так, тогда это еще можно понять — ну как откажешь столь обаятельному господину».

(Прозаик Аркадий Львов сидел в гостиной у Катаева, когда на экране стали показывать «государственно-творческое собрание»: «Он заерзал в своем кресле, засуетился, протянул руку в сторону телевизора... Вскочил, подбежал к телевизору, приложил к ящику, слева, ладонь и сказал: «Вот здесь сидел я, а Суслов рядом, немножко правее, если смотреть отсюда». То обстоятельство, что он сидел рядом с Сусловым, естественно, не было случайным. В кремлевской табели о рангах, особенно, когда дело касается распределения мест в правительственной ложе, случайностей не бывает... Суслов уже давно сделался его добрым гением, об этом по Москве шел упорный слух...») Приведу и концовку из катаевской записки «дорогому Михаилу Андреевичу» с просьбой об очередном вояже в Париж: «Крепко жму руку и надеюсь на Ваше доброе ко мне отношение».)

А кто побуждал Аксенова несколькими годами ранее в эссе о Катаеве славить установление советской власти в Одессе: «Дни, одухотворенные романтикой и страстью революции... Конники Котовского на мокрой брусчатке, жилистые матросы в пулеметных лентах... Верность своей родине, в кровавых муках меняющей кожу...»? Цензурный комитет? Еще через какие-то годы он завлекательно воспоет зашибательскую крутизну Америки... И ведь Аксенов же — вопреки Евтушенко

и другим своим товарищам — 3 апреля 63-го выступил в «Правде» с заявлением под названием «Ответственность»: «Я никогда не забуду обращенных ко мне во время кремлевской встречи суровых, но вместе с тем добрых слов Никиты Сергеевича и его совета: «Работайте! Покажите своим трудом, чего вы стоите!»... Для меня прояснилось направление моей будущей работы, цель которой — в служении народу, идеалам коммунизма...»

Цитирую, не осуждая, а наоборот — возражая всем, желающим размашисто судить-рядить, цепляя других, но только не себя...

Вениамин Смехов рассказал мне, что выступление Катаева возмутило творческую «передовую среду». Открыто и прямо высказанное государственничество воспринималось как нонсенс. Вскоре, 6 ноября, он увидел Катаева в Париже в нашем посольстве на приеме, посвященном 60-летию советской власти. Там был огромный размер осетр, и актеры Таганки: Алла Демидова, Зинаида Славина, Владимир Высоцкий, Валерий Золотухин, Борис Хмельницкий... Катаев приблизился к ним, желая вступить в разговор. Поздравил Смехова с ролью Воланда (в том году в театре состоялась премьера «Мастера и Маргариты»).

— Я с начальством не знаюсь, — внезапно произнес хуцрук Таганки Юрий Петрович Любимов.

И повернулся к Катаеву спиной...

Если так все и было, то остается дивиться логике «скрытого диссидентства»: отрицать власть, отмечая ее юбилей. Да и с различным начальством, включая главу КГБ Андропова, Юрию Петровичу приходилось именно знать-ся, притом постоянно — он даже пользовался телефонами правительственной связи.

Что до комплиментов генсеку и похвал СССР, вспомним: в 73-м году не кто иной, как Александр Солженицын в «Письме вождям

Советского Союза», призывая к мирной эволюции советской системы в сторону «национальных идей», называл Брежнева «простым русским человеком со здравым смыслом». Многие пассажи Александра Исаевича по патристическому пафосу даже перехлестывали рамки тогдашней «Правды»: «Внешняя политика царской России никогда не имела успехов сколько-нибудь сравнимых... От всех этих слабостей с начала и до конца освобождена советская дипломатия. Она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм. По своим реальным достижениям она могла бы считаться даже блистательной: за 50 лет, при всего одной большой войне, выигранной не с лучшими позициями, чем у других, — возвыситься от разоренной гражданской смутой страны до сверхдержавы, перед которой трепещет мир. Некоторые моменты особенно поражают сгроможением успехов. Например, конец Второй мировой войны, когда Сталин, без затруднений всегда переигрывавший Рузвельта, переиграл и Черчилля... Нисколько не меньше сталинских успехов надо признать успехи советской дипломатии последних лет... На такой вершине ошеломляющих успехов неохотнее всего воспринимаются чьи-то мнения или сомнения. Сейчас, конечно, самый неудачный момент приступить к вам с советом или увещанием». В этом же манифесте Солженицын признавал реалистичным для России единовластие и опасным успешное насаждение западной демократии.

Вот и Катаев там и тут, к примеру, в «Алмазном венце» сообщал, что гордится «торжеством своего государства», и называл его «сверхдержавой».

Но если судить поверхностно: один (пострадавший от власти) — отважный бунтарь, другой (с властью ужившийся) — опасливый приспешник...

Соборно, коллективно, всенародно

Алексей Коленский

Четвертого (по новому стилю — шестнадцатого) мая 1896 года в Санкт-Петербургском увеселительном саду «Аквариум» состоялся первый российский кинопоказ.

КАЗАЛОСЬ, место выбрано не без умысла. Каменноостровский проспект очаровывал столичную публику, как живая картинка. Это была одна из самых «легких и безответственных улиц Петербурга. Ни вправо, ни влево не поддавайся: там чепуха, бестрамвайная глушь. Трамваи же на Каменноостровском развивают неслыханную скорость. Каменноостровский — это легкомысленный красавец, накрахмаливший свои две единственные каменные рубашки, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это молодой и безработный хлыщ, несущий под мышкой свои дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки», — восхищался оригинальным ландшафтом Осип Мандельштам.

За десять лет до исторической премьеры купец 1-й гильдии Георгий Александров открыл здесь сад и ресторан «Аквариум». Пристроил театр, рассчитанный на две с половиной тысячи зрителей. В начале XX века добавились здание центрального рынка, каток и два доходных дома (в 1924-м тут получила прописку фабрика «Госкино», спустя десять лет

(будущий Театр Оперетты) к концу мая перекочевал в летний сад «Эрмитаж», а в июле покорил Нижегородскую ярмарку. Корреспондент «Нижегородского листка» Максим Горький не скрывал ни мыслей, ни чувств: «Вчера я был в царстве теней... Там звуков нет и нет красок...

Это не жизнь, а тень жизни, и это не движение, а беззвучная тень движения. <...> Этому изобретению, ввиду его поражающей оригинальности, можно безошибочно предречь широкое распространение. <...> но... раньше, чем послужить науке и помочь совершенствованию людей, <синематограф> послужит Нижегородской ярмарке и поможет популяризации разврата».

ды, в их числе и постановочные, не сохранились. Ранние ростки отечественного кинопроизводства оказались затоптаны французскими конкурентами: оккупировавшие Невский и Тверскую магазины «Люмьер», «Пате», «Гомон» и «Эклер» продавали не только аппараты, но и экзотические ленты — 60 копеек за метр. Первый стационарный кинотеатр был открыт в Новороссийске предпринимателем Альвином Гуцманом, однако уже в июле 1897-го владелец бросил лавочку и отправился катать кино по ярмаркам.

А первый московский «иллюзион» появился в 1903-м, и лед тронулся: в течение считанных месяцев с центральных улиц до окраин зашагали таумотографы, электробиографы, электробиоскопы, си-

окончательно переименованная в «Ленфильм»). А вдохновителем этого архитектурно-художественного ансамбля стал оператор Люмьеров Камилл Серф, прибывший в Россию для съемок первого в мире репортажа — о коронации Николая II — и прихвативший с собой из Франции несколько коробок с пленкой.

В антракте между вторым и третьим действиями водевиля «Альфред-паша в Париже» петербуржцам представили десятиминутную программу из роликов братьев Люмьер: «Выход рабочих с завода», «Разрушение стены» и, разумеется, «Прибытие поезда». Зрители были ошеломлены. Спустя два дня синематограф приехал в Москву, из театра Солодовникова

Пока же публика упивалась вспыхнувшей любовью: показы в «Эрмитаже» и «Аквариуме» стали регулярными, а рыцарем, рискнувшим принять вызов «парижской штучки», явился фотограф Владимир Федоров, он же — актер Театра Корша Сашин, который немедленно выписал аппарат «Витограф» и начал снимать уличные сценки.

Я изумлен, я ошарашен...

Какой неожиданный инцидент!

Кто б думать мог,

что комик Сашин

Люмьеру будет конкурент!..

Поступок сделал он отличный

И очень даже деловой:

Соединил талант комичный

Он с фотографией живой,

— зубоскалил остролов «Театральных известий». Увы, эти эту-

нематографы. Репертуар тех иллюзионов был эклектичным: за четвертьчасовой сеанс зрители успевали насладиться хроникальными и видовыми съемками, драмой или комической сценкой — в антрактах между «дивертисментами» бородатых женщин, татуированных лилипутов, говорящих восковых голов.

Нередко случались «взрывы» и пожары: из-за дефицита электричества пользовались эфирно-кислородным освещением. Сеансы проходили в ажиотаже и духоте, при постоянно вспыхивающей и меркнущей картинке, под топот ног и истошные крики: «Даешь парижский жанр!» Порнографические ленты приобретали и показывали конспиративно и за отдельную плату.

В 1908-м владельцы московских «иллюзионов» Абрам Гехтман («Гранд-Паризьен») и Константин Абрамович («Гранд-электро») стали обмениваться фильмами с коллегами из других городов. Ярославский магнат Григорий Либкин начал сдавать в аренду уцененные ленты — от двух до десяти копеек за метр в неделю — и немедленно разбогател. Так родился кинопрокат и сформировался общероссийский репертуар, на три четверти состоявший из драм любви и ревности баронетов, кокоток, апашей... К 1913 году в стране насчитывалось уже около полутора тысяч кинотеатров, специализировавшихся исключительно на показе живых картин без всяких «дивертисментов». Сеансы шли теперь около часа с двумя антрактами (две-три «роковые драмы», пара видовых и научных лент, три-четыре комические).

А как же отечественное кинопроизводство? Поначалу выпускать российские фильмы пытался французский «Торговый дом Гомон и Сиверсен», но прогорел. В 1905-м фирму приобрел подъяесаул Войска Донского Александр Ханжонков, обосновавшийся в доме Саввинского подворья (Тверская, 6). Однако завоевывать искусственную публику он не спешил. Умами владели душещипательные и авантурные французские сериалы, фарсы, американские боевики и прочая, прочая. Это обилие можно уподобить насыщенному солевому раствору, в который погрузилось российское кинодело. Причем точки кристаллизации отыскивались далеко не сразу.

Закономерно, что из дебютных оригинальных опытов сохранилось чрезвычайно мало; характерные исключения — хроникальные съемки жизни царской

ФОТО: РИА НОВОСТИ

А. Ханжонков. 1898

«Оборона Севастополя». 1911

«Идиот». 1910

семьи или, например, «Торжественного перенесения Чудотворной Озерянской иконы из Куряжского монастыря в Харьков». Лишь в 1908-м снятая «Братьями Пате» документальная фильма «Донские казаки» разошлась в 219 копиях и доказала: в стране сформировался спрос на собственные картины.

Автором первой отечественной художественной киноленты стал Александр Дранков. 28 (15) октября 1908-го, ознаменованное премьерой «Понизовой вольницы», — день рождения русского игрового фильма. Хитами следующего года выступили произведения ранее специализировавшегося на хроникальных съемках «Торгового дома «А. Ханжонков и Ко»: «Песнь про купца Калашникова», «Выбор царской невесты», первый фильм-спектакль «Русская свадьба XIV столетия». В 1910-м — «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири», «Коробейники», «Маскарад» и «Идиот» Петра Чардынина. Дранков пытался соперничать с конкурентом, выпуская «упреждающие» одноименные, но халтурные картины. А затем остепенился и принялся специализироваться на детективных сериалах, таких как «Сонька золотая ручка», «Ванька-ключник» и подобных.

В успех дебютной русской полнометражной фильму «Оборона Севастополя» не верил даже сам Василий

Гончаров, режиссер, успевший заручиться высочайшей поддержкой и частичным казенным финансированием, упросивший друга подставить плечо. В итоге Александр Ханжонков лично снял батальные сцены и 8 ноября (26 октября) 1911 года в ливадийском дворце представил стоминутную эпопею государю и членам царской семьи.

В последних частях ленты седые ветераны обороны Севастополя — сестры милосердия, унтер-офицеры, рядовые, — сверкая медалями, выходили из ряда, снимали фуражки. Этот простодушный эмоциональный фрагмент покорял чистотой, восстанавливал уже ощущаемую разрушающуюся связь времен. Раскрывшаяся общность народа и публики, созидателей и почитателей общей истории буквально окрылила Россию. Вложивший все личные средства Ханжонков сумел выйти в ошеломительную прибыль, уступив владельцам кинотеатров исключительные права на демонстрацию в губерниях, уездах и городах, выдавая любое число копий за наличный расчет по цене обработанной пленки.

Заодно с коммерческой «Оборона Севастополя» задала художественную планку, которую кинопредприниматель поднял еще выше в сотрудничестве с Василием Гончаровым, Борисом Чайковским, Петром Чардыниным, Евгением Бауэром и первым автором сюжетной анимации Владиславом Старевичем. Вслед за ними в кино пришли экранные звезды и народные типы — законодатели новых стилей и мод, творцы модерна.

Костромской купец Михаил Трофимов («Бал господень», «Девы горы», «Поликушка») ангажировал для съемок более полусотни актеров Московского Художественного и Малого театров. Пауль Тиман и Владимир Гардин создали «Русскую золотую серию» (самые успешные картины — «Анна Каренина» с Марией Германовой, «Крейцера соната» с Елизаветой Уваровой и «Дворянское гнездо» с Ольгой Преобра-

женской). Владелец дома терпимости Иосиф Ермолев, успевший поработать у Пате, закрыл заведение и тут же «на Брянке» (у Киевского вокзала) организовал кинофабрику, прославившуюся народными и классическими экранизациями Толстого («Семейное счастье»), Достоевского («Николай Ставрогин»), Пушкина («Пиковая дама»). Последняя — лента Якова Протазанова с Иваном Мозжухиным — по единодушному мнению современников и историков кино, стала высшим творческим достижением, звездным часом кинематографа Российской империи. И этот сюжет так же красноречив,

как чудо рождения нового искусства на Каменноостровском проспекте... Через двенадцать лет после исторической премьеры в саду «Аквариум» Корней Чуковский писал: «Великий жезл власти дал людям в руки кинематограф. Остановись, мгновение, ты прекрасно!» — этот возглас перестал уже быть риторическим... Ибо здесь возродилось перед нами в новых формах соборное творчество.

Только народные сказки и народные песни, какие-нибудь разбойничьи или казацкие, тоже созданные соборно, коллективно, всенародно, целой громадой людей, а не одним каким-нибудь человеком, — только они могли быть доселе таким же совершенным выражением своих создателей, каким нынче является кинематограф. Только в них мог так ясно отпечатлеться жизненный опыт легионов человеческих душ. У нас часто скорбели... что иссякает в народе хоровое, безличное его творчество, но вот оно снова возникло, такое же без-

личное, безымянное, такое же соборное и хоровое — и мы воочию можем видеть его в кинематографе. Кинематограф тоже есть песня, былина, сказка, причитание, заговор, но создатель всего этого, как мы видели, уже не народ... Город, сделавшись центром многомиллионной толпы, стал творить свой собственный массовый эпос... У кинематографа есть свои легенды, свои баллады, свои комедии, драмы, идиллии, фарсы. Он сочинитель повестей и рассказов и выступает перед публикой, как поэт, драматург, летописец и романист. И, заметьте, все признают в нем именно поэта и драматурга».

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Лауреат Сталинской премии
Л. Термен. 1993

Исповедь «Златоуста»

Владимир Перекрест

Недавно страна отмечала вторую годовщину воссоединения Крыма с Россией. Далеко не все секреты этой уникальной геополитической операции, проведенной молниеносно, вежливо и без единого выстрела, раскрыты. Они еще ждут своего часа, чтобы стать мировой сенсацией. Так же, как долгие годы хранилась в тайне и другая история, начавшаяся здесь же, на полуострове, более 70 лет назад, в победном 45-м...

Троянский герб

— Лаврентий, ты слышал что-нибудь про троянского коня?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Умные люди, эти греки, как думаешь?..

Можно верить тем, кто утверждает, что такой диалог действительно имел место, а можно и не верить — героические истории нередко обрастают легендами и мифами. Но, несомненно, именно детище хитроумного Одиссея натолкнуло вождя народов на мысль, каким

образом проникнуть в заветную цитадель — посольство США в СССР. Так началась одна из самых уникальных в техническом и организационном отношении и ошеломительно успешных по своим результатам разведопераций советских спецслужб.

...Февраль 1945-го. Исход войны уже ни у кого не вызывает сомнений. Лидеры стран антигитлеровской коалиции собрались в Ливадийском дворце. Там в ходе Ялтинской конференции определялась конфигурация послевоенного мира. Такое важное политическое мероприятие — и без культурной программы? Конечно же, гостей пригласили в знаменитый «Артек» — всесоюзная детская здравница только-только восстановилась. Нарком иностранных дел Молотов в присутствии Сталина торжественно вручил Рузвельту и Черчиллю трогательные приглашения: пионеры искренне благодарили лидеров союзнических держав за помощь в победе над общим врагом и звали на чай. Но от Ялты до «Артека» по тем временам — два часа пути. Так что «Thank you very much!», рады бы, но, как говорится, время — деньги. Министры иностранных дел тоже не могли оставить своих шефов без поддержки в ходе ответственных переговоров.

Тогда кто? Следующие по рангу — послы США и Великобритании в Москве, Аверелл Гарриман и Арчибалд Керр. Им и поручили навестить детишек. Вместе с мужчинами в экзотический «pioneer camp» отправилась супруга британского премьера Клементина Черчилль. Безопасность гостей, помимо штатной охраны, обеспечивали еще несколько сотен внезапно прибывших офицеров НКВД, передетых пионервожатыми.

После экскурсии по лагерю — традиционное культурное «блюдо»: детский концерт. Гвоздем программы стал гимн США, исполненный советскими пионерами на чистом английском. Дошло до подарков.

Клементина Черчилль преподнесла артековцам полтора десятка больших госпитальных палаток на сорок мест каждая (которые, кстати, верой и правдой прослужили до 1960 года). Керр выписал на восстановление здравницы чек на

В феврале 45-го герб «прописался» в самом секретном помещении посольства США в Москве. Так началась операция «Исповедь». Впоследствии историки спецслужб назовут ее шедевром шпионажа

5000 фунтов, а его американский коллега — на 10 000 долларов (по тогдашнему курсу его дар «весил» ощутимо меньше британского).

Наверняка где-то в архивной пыли можно обнаружить, чем отдалась ребятня в отношении британцев, но на самом деле это не очень интересно. Гораздо любопытнее — сувенир для американца. Настоящее произведение искусства! Четверо пионеров торжественно и осторожно внесли внушительных размеров герб США с белоголовым орлом, очень эффектно выполненный из ценнейших пород дерева. В прилагавшем к подарку сертификате значилось: сандал, самшит, секвойя, слоновая пальма, парротия

персидская, красное и черное дерево, черная ольха. Все без обмана, подпись: Калинин.

Тогдашний руководитель методического отдела «Артека» Владимир Свистов, ведавший приемом зарубежных делегаций, вспоминает детали необычного дня. На восторженный возглас посла, куда, мол, пристроить такую красоту, сопровождавший гостей личный переводчик Сталина Валентин Бережков ненавязчиво обронил: «Да повесьте у себя в рабочем кабинете. Англичане умрут от зависти». В итоге в феврале 45-го герб «прописался» в самом секретном помещении посольства США в Москве. Так началась операция «Исповедь». Впоследствии историки спецслужб назовут ее шедевром шпионажа.

Расчет и удача

Ведомство Берии давно присматривалось к американскому посольству, а с началом войны — особенно. От понимания, куда качнется «дядя Сэм», зависела не просто безопасность, но и — на некоторых отрезках времени — сам факт существования нашей страны. Потому-то и засылали агентуру к сотрудникам миссии. Как могли, устанавливали подслушивающие устройства. Однако американцы знали, с кем и в какую игру играют, и не предоставляли нам ни малейшего шанса проникнуть в посольские помещения уровня «top-secret» — к послу, шифровальщикам... А ведь именно они интересовали нашу разведку в первую очередь. О том, что говорилось в других комнатах и коридорах, большей частью можно было узнать и из газет. К тому же традиционные подслушивающие устройства обладали неприятным качеством: у них периодически садились батарейки. На замену элементов питания «горели» многие агенты. Кстати, о горении. Даже когда в посольстве США однажды случился пожар, американцы не пропустили наших брандмейсте-

У. Черчилль, А. Гарриман, И. Сталин и В. Молотов. Москва, 1942

ФОТО: ФОТОХРОНИКА ТАСС

ров, опасаясь, что те, пустив дым в глаза, вместо борьбы с огнем начнут вживлять где только можно специальные предметы.

Прорыв обозначился в 1943-м — по знаковому совпадению тогда же, когда произошел перелом и на полях сражений. Сталин поставил вопрос ребром. Должно быть разработано подслушивающее устройство, способное работать в максимально автономном режиме и быть незаметным для объекта слежки — первое. И второе — его следует установить в кабинете посла Гарримана. Точка.

Удивительно, но это сложнейшее задание было выполнено. По обоим пунктам. Как «жучок» попал в заданные «координаты», уже понятно: артековцы помогли. Герб был с начинкой. Но и, конечно, само провидение оказалось на нашей стороне, хоть и говорят теперь, что все было заранее просчитано. Да, что Черчилль и Рузвельт не смогут поехать в «Артек», можно было предвидеть. Что их министры иностранных дел останутся при шеефах — тоже. Но то, что Гарриман так неосмотрительно последует совету сталинского переводчика и установит герб в собственном кабинете, разве можно предугадать? Впрочем, тогдашний посол не был ни карьерным дипломатом, ни разведчиком, в международное ведомство попал из крупного

В этом здании на Моховой располагалась дипмиссия США

бизнеса. Организаторы операции тщательно изучили его вкусы и пристрастия. Например, выяснили, что он увлекался изделиями из дерева. Наверняка учитывали и хватательный рефлекс мультимиллионера, который оказался сильнее чувства осторожности. Все так. И все же признаем: без госпожи Удачи в этом деле не обошлось. Кстати, наши еще несколько недель пребывали в неведении: куда американцы пристроят подарок, могли ведь и в Штаты запросто отправить. И только когда слухач-оперативник, устроившийся в конспиративной квартире неподалеку, уловил в наушниках знакомый голос Гарримана, успокоились: план сработал.

Метод внедрения прослушки был, безусловно, уникальным. Но

столь же бесподобной являлась и конструкция устройства, разработанного в одной из бериевских «шарашек». Автор изобретения — известный русский и советский ученый Лев Термен, попавший в ГУЛАГ по надуманному обвинению (в организации покушения на Кирова). Термен стал мировой знаменитостью еще в 1920 году, после создания оригинального электронного музыкального инструмента, названного терменвоксом. Его полная приключений, красивых женщин и научных озарений жизнь заслуживает отдельного рассказа, но об этом — в одном из следующих номеров.

Аппарат мог работать сколь угодно долго без электрических элементов. Нет, это не вечный двигатель. Источник питания у него, конечно, был. Только энергия шла не по традиционным проводам, а по воздуху, за сотни метров — посредством электромагнитных импульсов. Как радиосигнал. А передатчик, входивший в схему прослушки, на секретной волне передавал на принимающую радиостанцию все до последнего слова из кабинета посла. И еще один важный момент: детали устройства были настолько мелкими и как бы легальными (например, в виде гвоздиков, необходимых при изготовлении сложных изделий из дерева), что не вызывали подозрений у сотрудников американской службы технической безопасности, время от времени проверяющих, не подтачивает ли их национальные интересы какой-нибудь советский «жучок».

Схема являлась сложной и не сказать чтобы компактной. Чтобы электромагнитные волны не накладывались друг на друга, она была выполнена в виде равностороннего треугольника. И если традиционные «жучки» просто вставляли в какой-либо предмет, то в этом случае требовалось действовать наоборот: подобрать предмет, который можно было «надеть» на этот секретный треугольник. Что-то

Американские дипломаты в ООН
демонстрируют «русский шедевр».
26 мая 1960

плоское и довольно объемное. Был вариант с настоящим скифским щитом: раритет и символично опять же. Но возникли сомнения, оставит ли его посол в своем кабинете. Нет, нужно было что-то реально дорогое сердцу американца. Так и пришли к идее с гербом.

Наш экспонат в музее ЦРУ

Дипмиссия США тогда располагалась на Моховой. А из двух квартир на верхних этажах соседних зданий открывался замечательный вид на посольство. Ну, вид-то ладно, главное, чтобы радиопомех не было. Жильцов срочно переселили. На их место въехали сотрудники НКВД. Американцы подмены не заметили: энкавдэшники в халатиках так же развешивали белье на балконах и бойко переругивались с соседками, а их мужики в растянутых майках, как и прежние жильцы, аккуратнo курили в форточку.

Устройство включалось на звук голоса, передавало речь без помех, поэтому ему не без юмора дали кодовое название «Златоуст». Впрочем, американцам было не до шуток — обо всех решениях, принимаемых в кабинете посла, Сталин узнавал раньше, чем президент США.

В 1946-м Гарриман получил новое назначение — в Лондон. У чекистов возникло опасение, что его преемник Уолтер Смит кардинально переоборудует кабинет на свой лад. Так и вышло — все до штора поменял будущий глава ЦРУ. Но на красавец-герб рука не поднялась. Так же, как и у тех, кто пришел после него. В итоге «Златоуст» слушал четырех послов. И лишь на последнем засыпался...

По одной из версий, устройство сдал американцам подполковник ГРУ Петр Попов, то ли завербованный ЦРУ, то ли сам в инициативном порядке пошедший на сотрудничество с ними. Впрочем, у этой версии есть слабое место: даты не

сходятся. По материалам дела, Попов встал на путь предательства в 1954-м (рассекречен и по приговору суда расстрелян в 1960-м). А раскрытие тайны «Златоуста» относят к 1952–1953 годам.

Другая версия состоит в том, что работу нашего передатчика засекли сотрудники посольской службы безопасности. Наиболее сильным сигналом оказался в одном из самых защищенных, как до этого казалось, помещений — кабинете посла. Его перевернули вверх дном. Раскурочили и красавец-герб. Нашли подозрительные «гвоздики», полые внутри, металлическую проволоку сантиметров 20, но разобраться в схеме так и не смогли. Никаких батареек и привычных радиодеталей. Очевидно, не сумели они после разборки собрать устройство «как было». В ином случае оставили бы герб на месте, чтобы гнать русским «дезу», такое нередко делается при обнаружении «жучков».

Информировать общественность американцы до поры до времени не стали. Несколько лет вместе с британскими спецслужбами они пытались раскрыть секрет артековского

подарка. В конце концов разгадали. Но скопировать для своих шпионских нужд не смогли. У американцев звук получался такой, что слова угадывались с большим трудом. У англичан речь выходила хоть и чище, но уж очень слабой — дальность действия составляла менее 30 метров, в десять раз меньше, чем у «Златоуста».

Историю герба широкая мировая общественность узнала весной 1960 года. После того, как руководство СССР предало огласке инцидент с американским самолетом U-2, совершавшим разведывательный полет над нашей территорией и сбитым 1 мая того же года. Вашингтон парировал в стиле: нас обвиняют, а сами за нами шпионят. Журналистам показали тот самый герб. Он и сейчас, как почетный трофей, хранится в музее в Лэнгли.

А создатель «Златоуста» Лев Термен получил в 1947 году Сталинскую премию I степени и реабилитацию. Но чудак-человек: предпочел остаться работать в родной «шарашке». Там интереснее, говорил он в ответ на недоуменные вопросы.

На семи холмах

Простота — в глазах смотрящих

Ксения Воротынцева

Музей русского лубка и наивного искусства — это красный особнячок, за-терянный среди сретенских переулков. А также — два выставочных зала на окраине Москвы: в Измайлово и Новогиреево. Здесь показывают картины, которые лет двести назад едва ли признали бы достойными музеефикации.

ПЕСТРЫЕ лубочные листы, котики и танцовщицы, выведенные неуверенной рукой художника-самоучки, — все это получило статус произведений искусства лишь в XX веке. С тех пор интерес к подобным вещам нисколько не ослабевает. Лучшее свидетельство тому — интенсивная, а главное, востребованная москвичами и гостями столицы деятельность музея, где недавно прошли три выставки наивных художников: «Страна воспоминаний» Елены Григорьевой, «Воскресные сказки» Андрея Чеснокова и «Симфония жизни» Бориса Жукова.

Это в известной мере «специфическое» творчество, порой оно даже выглядит как сугубо московское, и его представителей опекают городские власти, оказывающие финансовую и организационную поддержку. Не случайно актуальную информацию о проведении таких выставок всегда можно почерпнуть на интернет-сайте департамента культуры города Москвы.

Общественный интерес к примитивному искусству возник в последней трети XIX столетия. Именно тогда независимо друг от друга живописью занялись два человека — Анри Руссо и Нико Пиросмани. Француз когда-то служил на таможне и обнаружил тягу к изобразительству почти в сорок лет. Грузинский же самородок работал поначалу где придется: пастухом, кондуктором на железной дороге, держал молочную лавку. Пиросмани вывели в свет футуристы — братья Илья и Кирилл Зданевичи.

Интерес профессионалов к трогательным вывескам Нико или буйным экзотическим полотнам Руссо (тот успешно участвовал в выставках) был не случайным. На рубеже веков водораздел между высокими и низкими жанрами стал исчезать. Самый показательный пример — произведения Поля Гогена, поражающие зрителей вызывающе яркими красками и этакой нарочитой мифологической образностью. В них отразилась индивидуальная биография художника, выросшего в Перу и прожившего много лет в Океании, а также общее настроение эпохи.

В России 1910-х многие живописцы тяготели к лубку, тоже имеющему «вульгарные» корни. Его эстетику взял на вооружение русский авангард.

«Наивное искусство» — новый и довольно необходимый термин, в отличие от эпитета «примитивный». Считается, что художники подобного толка обращаются к краскам и холсту сравнительно поздно, когда основные карьерные свершения уже позади. Подавляющее большинство учатся рисовать «на ходу». Их картины нередко сравнивают с работами детей — та же простота форм, то же радостное ощущение жизни. И, конечно, мощное архаическое начало, позволяющее вслед за Мирчей Элиаде утверждать: миф никуда не исчез из современности. Еще любопытный момент — такие произведения обычно ориентированы на классику, являют собой ее преломление в массовом сознании. От наивных художников можно услышать признание в любви к итальянскому Возрождению или импрессионизму.

Не стали исключением и авторы показанных в столичном музее картин. У Елены Григорьевой среди фаворитов — работы мастеров Серебряного века и портреты XVIII столетия. По ее словам, рисовать она начала четыре года назад, в 55: «Никогда не ходила в кружки. Мама у меня художник, однако всегда наставляла: «займись делом» — то есть физикой или математикой. Я окончила математическую школу, поступила на

физфак МГУ, защитила кандидатскую. Когда наступил 1993 год и перестали платить, пошла работать журналистом. Однажды решила сделать материал про новую методику обучения — правополушарное рисование. Попробовала ее на себе: никакого впечатления. А потом вдруг захотелось написать картину. Теперь жалею, что не взяла кисть раньше».

На полотнах Григорьевой — ленивые коты, грустные псы, смешные козы и петухи. А также виды Варшавы и Венеции, уютная закатная Москва. Есть сказочные мотивы, без которых редко обходится выставка наивного искусства. Например, картина «Ночь на Лукоморье» (2016), где изображены русалка, кот ученый, Баба-Яга, избушка на курьих ножках.

Отдельное внимание зрителей привлекла работа «Преподобный с медведем» (2014). Художница объ-

НА СЕМИ ХОЛМАХ

яснила: «Очень люблю Сергея Радонежского. Когда сын поступал в институт, был огромный конкурс, чуть ли не сорок человек на место. Я поехала к мощам Преподобного, попросила о помощи, и сын успешно сдал экзамены. С тех пор чувствую себя обязанной. Когда узнала в интернете про конкурс на изображение этого святого, решила участвовать. Ориентировалась на печной изразец XVIII века. Конечно, так же замечательно у меня не получилось. И «лицо» у зверя вышло не медвежачье. Однако мне хотелось показать счастье косолапого. Представьте, тебя любит сам преподобный Сергей!»

Основной ее принцип — произведения не должны вызывать страх,

Борис Жуков

агрессию, тревогу: «Ты не можешь вечно видеть боль. Я очень люблю картину «Иван Грозный и его сын Иван», но дома бы ее, при всей гениальности Репина, не повесила. Главное, чтобы живопись дарила свет и радость, чтобы ею можно было украсить детскую. Хочу, чтобы от моих работ мир становился добрее».

Лишь несколько полотен внесли в озорное настроение выставки грустную ноту. Например, «Игрушки XX века» (2014), где изображены приметы ушедшего детства: крошечная фигурка матроса, лошадка

на колесиках, рядом — часы, символ ежесекундно утекающего времени. Или другой печальный натюрморт, тоже связанный с хронометражем, — «Папины старые часы» (2012): шахматная доска, рюмка с напитком на доньшке, чашка с чаем, поблизости — отложенные хозяином очки. Прервался ли он на минутку или закончил партию много лет назад? Ответа нет.

Интерес к быту и семейной истории характерен и для Бориса Жукова. Бывший военный, 23 года прослуживший в Советской Армии, он обратился к изобразитель-

ному искусству незадолго до выхода на пенсию. Автор признается: в детстве ему нравилось рисовать, но увлечение так и не переросло в профессию — казалось, что это не мужское дело. На картинах Жукова в основном родной Оренбург, уютный, по-хорошему провинциальный. Патриархальным духом веет и от других его вещей. В приоритете — семейные ценности. Есть портреты родителей, как молодых, так и уже с серебристыми висками, изображение взрослых сыновей. Милая семейная сценка, получившая название «Утренние сборы» (2015):

ветеран собирается 9 Мая на парад, завязывает галстук, рядом — внук, примеривший китель с медалями.

Юмор — неотъемлемое качество наивных художников. Анализируя их картины, исследователи нередко используют понятие смеховой культуры, предложенное Михаилом Бахтиным. Здесь все может оказаться перевернутым с ног на голову. Жуков, к примеру, легко переносит на холст случай, годящийся разве что для внутрисемейного пересказа. Котик (любимый персонаж наивных авторов) во время уборки квартиры решает попробовать воды из ведра («Здесь вкуснее», 2015). Хозяин взирает на животное с любопытством, хозяйка — с ужасом.

Другой пример смешения высокого и низкого — копии шедевров, порой «актуализированные». Скажем, «Бурлаков на Волге» или «Охотников на привале». Волжские трудяги получили от художника современные стрижки (кое-кто и очки), а любители дичи — новенький блестящий термос. Или вот «Лебединое озеро» (2015): не балет, но виден пруд, по которому, изящно склонив головы, скользят белые птицы; точь-в-точь ковер, украшающий небогатую, «мещанскую» квартиру.

Еще больше карнавальности в картинах Андрея Чеснокова. Он, уроженец Рыбинска, впервые увидел творения русских классиков в интернате, где учился. Теперь работает в столице на стройке (этому факту посвящено одно из произведений, рассказывающее, как крановщик подружился с воронами), тем не менее к живописи относится серьезно. В 2003 году окончил Заочный народный университет искусств. Чесноков изображает гулянья и пиршества с раблезианским размахом. На полотне «Ласковая ночь (мавры и пираты)» (2014) можно увидеть суровых мужчин в объятиях нежных дев. Другой холст шутивно озаглавлен «Ёперный театр» (2013). Здесь смешалось все: балерины, целующиеся парочки, чья-то свадьба, поезд метро, скелет в подземье и даже агенты Скалли и Малдер, непонятно как угодившие в эту компанию. Картины Чеснокова — как слоеный пирог, со множеством уровней. Сам автор говорит на сей счет, что ориентировался он на европейские гобелены, сложные, многофигурные.

Многие его работы посвящены Москве, и это не случайно: разглядывая их, понимаешь, что наивное искусство в особой степени соответствует именно традиционно-демократичному, купеческо-разночинному духу Златоглавой с ее знаменитыми лубочными фабриками, конфетками-бараночками, словно-лебеди-саночками...

«Казино-ресторан» (2015), которое художник называет воспоминанием о бурной молодости, кажется осовремененной иллюстрацией к очеркам Владимира Гиляровского. В частности, к рассказу о ночной жизни Москвы: кутят в Купеческом клубе, позже отправляются в «Яр», а оттуда отбывают куда глаза глядят с приглянувшимися павами. Правда, у Чеснокова изображены теперешние реалии: мужчины в костюмах и девицы в коротких юбках.

Иной древняя столица предстала на картине «Ванечка едет домой» (2015). Как сказал автор, в основе лежит конкретный случай: везя жену с сыном из роддома, художник перепутал дорогу и проехал через центр мегаполиса, показав таким образом новорожденному город.

Здесь Москва — красивая, большая, просторная, такая, о которой Гиляровский писал: «Исчезают нестройные ряды устарелых домишек, на их месте растут новые, огромные дворцы. Один за другим поднимаются первоклассные заводы. Недавние гнилые окраины уже слились с центром и почти не уступают ему по благоустройству, а ближние деревни становятся участками столицы».

И поневоле задумаешься: так ли уж наивны эти наивные живописцы?

Царские подарки

Юлия Кудрина

30 мая исполнится 170 лет со дня рождения гениального ювелира Карла Фаберже, чье творчество не только на века прославило самого мастера, но и подняло на недостижимую высоту престиж русского ювелирного искусства конца XIX — начала XX века. И поныне превосходные вещи, исполненные Фаберже, регулярно становятся объектами пристального внимания всей мировой общественности.

В 1885 году на Пасху Александр III задумал вручить императрице Марии Федоровне в качестве праздничного подарка невероятно красивый и оригинальный предмет, который напоминал бы ей о Дании, где она родилась и выросла. Высочайший заказ поступил Карлу Фаберже, и тот блестяще его выполнил. Золотое яйцо в белой эмали в виде скорлупы, сюрприз, спрятанный в «желтке», маленькая курочка с сияющими рубиновыми глазками произвели на императорскую чету и всех, кто это великолепие увидел, сильнейшее впечатление.

С тех пор Александр Александрович заказывал пасхальный подарок для своей супруги у Фаберже ежегодно. И всякий раз на Страстной неделе умелец приносил царю очередной ше-

девр, поражая всех как оригинальностью замысла, так и новизной сюжета. А более всего — конечно же, совершенством ювелирной работы.

К Воскресению Христову были преподнесены Марии Федоровне в разные годы такие известные драгоценные яйца, как «Память Азова», «Кавказ» и другие (о некоторых произведениях выдающегося ювелира и этапах его биографии «Свой» вкратце рассказывал в декабре 2014-го). Что касается «Кавказа», то здесь взором ценителей тонкого искусства была представлена следующая композиция: за четырьмя овальными створками с цифрами из бриллиантов, составляющими число «1893», поместились миниатюры художника Константина Крыжицкого с видами Абастумани. В этом горном грузинском местечке третий сын императорской четы Георгий Александрович подолгу лечил большие легкие.

Яйцо «Ренессанс», выполненное в 1894 году, оказалось последним пасхальным презентом Алексан-

дра III любимой жене, через несколько месяцев царя-миротворца не стало.

Но и после его смерти фабрика по производству шедевров, руководимая Фаберже, продолжала работать в прежнем режиме. Изумительное пасхальное яйцо прислал Марии Федоровне во Францию, куда она сопровождала больного Георгия, весной 1896 года другой ее сын, ставший к тому моменту новым самодержцем российским.

«Я не могу найти слов, мой дорогой Ники, как тронута и взволнована я была, — написала вдовствующая императрица, получив подарок, внутри которого находились «портреты любимого Папа». — Это такая красивая идея с нашими монограммами сверху, я благодарю тебя за это от всего сердца. Я была тронута больше, чем могу это выразить».

В годы царствования Николая II придворная ювелирная фирма стала вместо одного готовить уже два пасхальных подарка — обеим русским императрицам. В 1914 году Мария Федоровна сообщила своей сестре Александре, королеве Англии, в Лондон: «От Ники у меня хорошие известия, слава Богу. Им нравится быть в Ливадии и наслаждаться хорошей погодой, а ему бедняжке и большей свободой. Он написал мне чудесное письмо и подарил шедевр. Сверху покрыто розовой эмалью, а внутри портрет с государыней императрицей Екатериной с маленькой короной на голове, который несут два негра. Заводишь, и негры идут, невообразимо красивая и неподражаемо чудесная работа. Фаберже — настоящий гений нашего времени, я и ему сказала, — Вы — несравненный гений». В этом случае речь шла о яйце «Гризайль», известном также под названием «Екатерина Великая».

Несколько подобных, невероятно изящных предметов были посвящены событиям фатальной для России Первой мировой войны. И это тоже отражено в переписке вдовы Александра III с родными и близкими: «Мне надо принимать всех моих Почетных офицеров... Всего я приняла 1000 человек, и хотя я люблю Пасху, я рада, что она позади, так как на меня обрушилось столько телеграмм и записок, что я в них чуть не утонула. Они отнимают столько времени. Ники, дорогой, прислал мне очаровательное яйцо, чего я совсем не ожидала в этом году. Оно покрыто белой эмалью с Красным Крестом по обеим сторонам и словами апостола Иоанна: «Нет больше той любви, как если

ЯЙЦО «ГРИЗАЙЛЬ» («ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ»)

Тишина

Одиноким лесным охотникам это состояние хорошо знакомо: день, два и три кряду упиваешься свободой от всех и всего, а потом начинаешь вслух ругаться и спорить сам с собой или с собакой и втайне ждешь, что в зимовье забредет случайный путник. Вот только что делать собаке на весенней глухариной охоте и откуда взяться гостю ночью в северной таежной глуши? И все же однажды именно в эту пору меня разбудил настойчивый стук в дверь. Неужели приятель, уехавший несколько дней назад в Москву, решил вернуться? «Заходи, отец Василий, открыто!» — радостно отозвался я, но никто не зашел, неплотно запертой дверью хлопал ветер.

Записки охотника

Михаил Булгаков

ПОЛОВИНА второго ночи. В немецком спальнике, почему-то названном по-итальянски «Сан-Ремо», сны снятся томные и теплые, хотя и печь наша была редкостная: из старинного шамотного кирпича непонятного происхождения, которое так и осталось загадкой, не помогло даже личное клеймо кирпичных дел мастера, тиснутое на каждом необычном кирпиче, плоском и широком. Кирпичи были сочно-охристого, а когда-то, наверное, золотистого или солнечного цвета, я таких никогда не видел. Как они очутились посреди нехоженого леса, одному Богу известно, но большой замшелый холм из них высылся в тени вековых елей, и никакого разумного объяснения этой странной находке в голову не приходило. В древних кирпичах было что-то таинственное и притягивающее, и со временем мы сложили из них завидную печь, а вокруг нее поставили ладный сруб — лыком по парче не шьют.

Наградой за праведные труды стал первобытный глухариный ток на моховом болоте, наши следы на нем — первые. От избы до тока ру-

кой подать — полтора километра, однако в предыдущие ночи поход все никак не вытанцовывался. И совсем не из-за того, что я никудышный охотничий танцор, просто время терпело, потому то сон сморит, то погода не глянется или лень одолеет. А идти — надо, чтобы поставить красивый восклицательный знак в конце сладостного свидания с дамой по имени Весна. Так ведь еще и Егорий заявился нынче, шестого мая: «Егорий на порог весну приволок», «Заегорит весна, так и зябкий мужик шубу с плеч долой».

Вышел я на порог и сразу окрысился на Егория: где тебя черти носят и где обещанная весна? И почему мне, не очень «зябкому мужику», так холодно, что зуб на зуб не попадает? Да не будь я охотником, ни за какие коврижки, ни в жизнь не высунул бы носа на крыльцо. Угораздило же родиться с охотничьей искрой в сердце! А если честно, то погода для охотника — дело десятое, кто же не знает, что хорошей охоты без хорошей передряги не бывает? И если быть честным до конца, то на ходу ни почем не замерзнешь, главное — стряхнуть с себя сонную одурь и сделать первый шаг в ночь.

Ветер, стучавший в дверь избушки, на прощание что-то шепнул макушкам деревьев и улетел гулять дальше, а куда — не сказал. Тишина не воцарилась и не опустилась на землю, она просто осталась одна и затаилась: кричи — не докричишься, зови — не дозовешься. В пути-то шума хватает: льдинки в лужицах под ногой звякают, ветки вдоль тропы со свистом хлещут по куртке или чавкнешь в мочажине сапожищами. Можно и песенку вполголоса исполнить, что-нибудь о родине,

Т. ЮШМАНОВА. «ВЕСНА В СТАРОЙ ДЕРЕВНЕ», 2006

березовом соке и грибных дождях, но — до поры, до прихода на ток.

Никакого уловителя для сбора ночью лесного шума, всяких шорохов, вздохов, скрипов, пения птиц и шагов зверей не существует, а если бы его изобрели, стрелка на шкале не шелохнулась бы. Это — в лесу, что уж говорить о моховом болоте, дремлющем не только в эту ночь, а долгие сотни и тысячи лет, — вечный покой... и музыка. Чему тут удивляться? Сочинил же некий западный композитор-авангардист «Рапсодию тишины». Выходил в концертном фраке с бабочкой на сцену, с серьезным видом гнезвился на стуле перед роялем «Аугуст Ферстер», картинно взмахивал руками, и зал, затаив дыхание, полчаса внимал и упивался тишиной. За деньги, разумеется, за деньги. Нет чтобы погрузиться в самолет и махнуть в архангельское болото, всех расходов-то — на дорогу и болотные сапоги с телогрейкой...

Таких людей немного, их считанные единицы — тех, кто будто бы помнит момент своего появления на свет Божий. А о том, что было до рождения, никто ничего не рассказывает, хотя человек в утробе матери живой, сучит ножками и наделен органами чувств. У него есть мозг и уши, он слышит звуки по другую сторону живота, они приглушены и невнят-

ны, но все равно доносятся извне, и врачи не зря советуют будущим мамашам слушать мягкую тихую музыку, пусть дитя плавно покачивается на волнах гармонии. Тишина не бывает хорошей или плохой, она — категория абсолютная, космическая.

Северные моховые болота пустынно и тихи, однако не всегда тоскливы. Осень обязательно расщедрит: расцветит унылые пространства россыпями клюквы, до того яркой, что от ее вида во рту делается кисло. На привольных, открытых всем ветрам клюквенниках нет комарья — чем не повод для веселья? Но настоящую радость лучше искать у воды, у какого-нибудь безымянного озера-чаши с чистой водой в обрамлении гранитных берегов с огромными валунами, на которых от старости вырос мох, — таких озер и заветных мест на архангельской земле не счесть. И человеку с живой душой и чутким слухом древние камни могут нашептать о многом. Камни тихо живут в Кириллове, Холмогорах, на Соловках и всюду похожи друг на друга своей холодной отстраненностью от жара человеческих страстей. Но странное дело: глядя на них, каждый думает наособицу.

В екатерининскую эпоху слабый на ухо путешественник фон Пошман вовсе не услышал от камней ни одной истории, немца больше заботило, сколько

рыбы, пеньки, дегтя, канифоли и ворвани продают архангелогородцы, еще более — что бы такое можно было запродать самим «туземцам» и выманить у них вырученные за рыбу и деготь деньги. А на заре пролетарской революции, в разгар гражданского побоища историк Алексей Жилинский писал о Соловецком монастыре, что «это безмолвная могила духа русского народа, и вся история монастыря основана на крови».

Знал бы Жилинский, что всего через четыре года на Соловках возникнет концлагерь, — на святой земле, не знавшей ни войн с землетрясениями, ни вулканов с наводнениями. И ни фон Пошману, ни Жилинскому было совсем не интересно, с какой стати в первой трети XV века на Соловках, среди камней под Секирной горой, объявились из Кириллова иноки Герман, Савватий и Зосима и почему они вместо избы для жилья срубили церковь Преображения Господня.

Не знаю, кто и как, а я завидую монахам Герману, Савватию, Зосиме и иже с ними, крепости их духа и светлым помыслам, ибо построить обитель и, скажем, кооперативную квартиру — не одно и то же. И дело тут не в количестве кирпичей или камней. Кстати, мстительный маркиз де Кюстин, приехавший в Россию из побежденной Франции, писал,

что русские люди не знают энтузиазма и все делают исключительно ради награды, тщеславия или из-за страха. В России маркиза представили императору Николаю I, носились с ним, как с писаной торбой, он галантно расшаркивался: «Шарман, шарман», а вернувшись во Францию, сочинил о своем путешествии книгу, о которой князь Петр Вяземский только и сказал: «В людях — Илья, дома — свинья...»

Если долго смотреть на северное ночное небо, начинаешь чувствовать и даже видеть вселенскую неостановимую жизнь. Звезды вдруг приходят в движение, кружат все быстрее и быстрее, вот их хоровод свивается в гигантскую воронку, и в нее устремляется, втягивается душа. Благодатная сияющая тишина струится с небес и через глаза и уши, через поры тела и души просачивается и заполняет изнутри телесную оболочку, однако не давит на нее, как не давит на человека пресловутый атмосферный столб, — звездное небо, в отличие от дневного, даже безоблачного, видится по-настоящему бесконечным. А в звездной тишине Севера зашифрована некая истина, и разгадать ее нам не дано — разучились, разуверились. Наши предки не были шибко учеными людьми, но легко приобщались к тайне тишины и мироздания, потому что свято верили в их вечность и справедливость.

Отчего так? Как случилось, что земля здесь опустела, стала чужой для тех, кого родила, и они ушли искать лучшей доли? Лучшей ли? Ведь именно сюда когда-то доскакала русская птица-тройка, ударила серебряными копытами о землю, однако сокровища, выметнувшиеся из-под копыт, куда-то испарились. А и без них можно нехудо прожить. Без них в мире меньше зла. Не будь смердом сиволапым, гаденышем с гнилой душонкой — вот и вся истина земная. А хоть и вселенская.

Я неподвижно стоял под ночным небом на краю молчаливого болота и слушал тишину, а где-то в глубине темноты спали глухари. На моих глазах глухариный ток за три десятка лет разросся до былинных размеров. Когда-то молодое красноселье повзрослело, и теперь матерый сосняк прихотливыми зигзагами застолбил берега архидревного моховища, залитого красным клюквенным морем. На десятки верст во все стороны света никаких тебе дорог-просек, деревень с машинами и тракторами, даже самолет над головой не прочертит след. Все небесные пути здесь освоены сто веков назад дикими птицами, а самолета никто не видел со времен перелета Чкалова в Америку. Говорят, что компас — полезная штука. Кто бы спорил, разумеется, полезная. Но при условии, что хорошо знаешь топографию места. А то ведь от моего болота, если идти

по компасу строго на север, можно протопать верст семьсот, не встретив жилья, до самого побережья самого холодного океана. Я даже поежился, представив себе путешественника с компасом в руке, но без топокарты в кармане и без царя в голове.

Жить тишине оставалось уже недолго. Вот-вот из темноты донесется осторожное, словно бы случайное: тэк... тэк... тэк... Я медленно прокрадусь к глухарю по мягкому мху всего сто шагов, сделаю один-единственный выстрел и уйду прочь, оставив в болоте прямую, едва заметную цепочку следов. Вряд ли кто-нибудь наткнется на них, разве что медведь-бродяга удивленно остановится, приняюхиваясь, повертит головой по сторонам и недовольно забочит стороной. Пожалуй, он больше уже никогда и не встретит следов человека, потому что зимовье наше год спустя сторело. На пепелище осталась лишь черная печка из некогда золотистого кирпича, а рубить новую избу уже нет сил.

Как знать, может быть, через сто или двести лет кто-нибудь набредет в северной тайге на грудку кирпичей с древними клеймами, присядет отдохнуть, послушать тишину, да и решит, что именно здесь самое лучшее место на земле, если не для храма, то для охоты уж точно, — глухари ведь совсем не глухие, но больше всего им по душе тишина северного края.

Вот такие пироги

Максим Сырников

Если уж русский пирог — то непременно из ржаного теста!

Архангельские и селигерские рыбники, вологодские ягодники, ватрушки с творогом, преснушки и калитки с кашей, шаньги с поливой — в изначальном своем виде именно ржаные.

А еще есть сканые пироги — из сканцев, тонко раскатанных пресных сочных. Их, как и блины, промазывают начинкой и запекают («высоким пирогом») в русской печи.

Вариантов начинки не счесть.

ПЕРЕЧИСЛИМ пироги, которые пекут в России по сей день, причем лишь те, что нашлись в словарях XIX века.

Грушеник — осенний, с грушами; гороховец, гороховник, конач, пыхканик — с гороховой начинкой; крупеник — это который с любой крупой, а более точные названия: ярушник, овыденник — с ячневой, просяник — с просом, овсяничек, овсяник — не тот, что с овсяной кашей, а тот, что из овсяной муки.

ФОТО: PHOTOXPRESS

Вот рецепт самого простого ржаного кислого теста для русских пирогов:

- ◆ 500 г ржаной муки,
- ◆ 1–1,5 стакана сыворотки из-под творога,
- ◆ 3–4 ложки топленого сливочного масла,
- ◆ 40 г дрожжей,
- ◆ Соль, чайная ложка, без верха.

Из половины муки, теплой сыворотки и дрожжей замесить опару. Дать ей подойти, добавить туда масло, соль и остаток муки.

Вымешивать до отставания теста от рук, в случае его недостаточной плотности попросту добавлять понемножечку муку.

Такое тесто поднимается в теплом месте, при этом необходимо произвести две обминки.

Пирогов с кашей самых разных видов тоже очень много. Заспеник, например (заспа — каша и есть). В Прионежье он носит название «кука». В Архангельске ячменный, с ячной кашей — это скакунок. Кочак — с кашей и яйцами.

Сладкие пироги на Русском Севере — шайги, не путать с шаньгами или шанешками.

Сладкие с ягодами: калинник, малинник, брусничник, барбарисник.

Новгородский пирог с яйцом — челпан.

Борканник — с морковью. Или просто морковник.

Другие овощные: капустник, свекольник, луковник, брюковник, картофельник или картошник. И — мой любимый — репник.

Как только не именовали в разных губерниях пироги с грибами: грибник, бличник (от слова «блицы» — грибы), целик — с обабками; губник («губами» грибы также кое-где зовут).

Мозговник — это с мозгами.

Само собой, с творогом — творожник.

Особая статья — пироги с рыбой. Помимо северных рыбников и знаменитого арзамасского пирога: палтас — именно так поморы называли пирог с палтусом; белостовый — с язем; сазанник.

Очень часто название рыбы и пирог с одной звучали одинаково. Например, сиг, угорь, сом — еще и названия пирогов.

Ну и вспомним, конечно, снетовик — тот, который со снетками.

Когда-то получило распространение и такое слово, как «виволога» — разное мясо, порубленное для начинки. А вовсе без начинки пирог назывался «порожником».

Своя

МАЙ 2016

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Византики